

мировой бестселлер от автора трилогии «сосны»

Блейк Крауч

*Умная, крепкая проза
Крауча несет в себе
массу энергии...*

Publishers Weekly

западня

Занесенные снегом

Annotation

Это был обычный поздний вечер. Адвокат Уилл Иннис готовился к заседанию суда и ждал, когда его жена Рейчел вернется с работы. Их дочь Девлин легла спать, не дождавшись матери, но уверенная, что увидит ее на следующий день. Однако Рейчел не вернулась. Она бесследно исчезла...

И Уилл, и Девлин считали, что их жена и мать погибла и что прежняя счастливая жизнь закончилась навсегда. Но спустя пять лет в их доме появилась женщина, бывший агент ФБР, давшая им надежду найти Рейчел – или хотя бы узнать, что с ней случилось. Она сказала, что миссис Иннис похитили. След ведет на Аляску, в забытое богом место, утонувшее в снегах и первобытном ужасе. Те, кто попадает сюда, остаются здесь навечно. Но Уилл и Девлин решили рискнуть...

Блэк Крауч

Западня. Занесенные снегом

*Для одних здесь – рай на земле.
Для других – смертельная западня...*

***

Blake Crouch
SNOWBOUND

Snowbound by Blake Crouch © 2010

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

В оформлении переплета использованы фотографии: Peuyker, welcomia / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Смирнова М. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Это художественное произведение. Все персонажи, организации и события, упоминаемые в романе, либо придуманы автором, либо используются в вымышленных обстоятельствах.

***

Посвящается Джордану Краучу. Я люблю тебя, брат мой

Благодарности

В сентябре 2007 года мой дядя и хороший друг Грег Крауч по прозвищу Зиг взял меня с собой в коттеджный отель «Редаут-Маунтин» на озере Кресент в сердце Чигмитских гор на Аляске. Это были одни из лучших дней в моей жизни, и я искренне благодарен ему за это приглашение. Если на земле и есть более зрелищные пейзажи, я их не видел. Уединенность и красота горы Редаут вдохновили меня на написание этой книги.

Эта поездка состоялась во многом благодаря Джону Груву.

Райан и Хизер Ричардс, содержащие «Редаут-Маунтин», были превосходными хозяевами и проводниками. Ни они, ни кто-либо из персонала и гостей, находившихся в «Редаут-Маунтин» одновременно со мной, не вошли в эту книгу. За исключением Зига.

Искренняя благодарность:

– Линде Аллен, которая наметила такую высокую и далекую цель, что дала мне хороший старт.

– Майклу Хоумлеру, моему редактору, который сделал эту книгу тысячекратно лучше.

– Анне Коттл и Мэри Элис Кир, которые, как обычно, давали мне мудрые советы и оказывали неустанную поддержку.

– Энн Гарднер из «Сент-Мартинс пресс» – она лучший специалист по рекламе, какой у меня был, и эти слова просто не в состоянии выразить благодарность за ту тяжелую и прекрасную работу, которую она проделала, чтобы люди узнали о моих книгах.

И наконец, хочу крепко обнять, поцеловать и выразить свою любовь Ребекке, Эйдану и моей маленькой дочке Эннсли Грей Крауч. Я люблю вас.

Часть I

Несчастливые звезды

Вечером погожего дня – последнего хорошего дня из всех, что предстояли им на долгие годы, – девочка открыла раздвижную стеклянную дверь и вышла на веранду в задней части дома.

– Папа? – позвала она.

Уилл Иннис отложил рабочий блокнот, чтобы дочка могла вскарабкаться к нему на колени. Девлин была маленькой для своих одиннадцати лет, и когда Уилл обнял ее, она показалась ему совсем невесомой.

– Что ты здесь делаешь? – спросила девочка. Голос ее был хрипловатым, в нем звучали отголоски недавней простуды – как будто в легких терлись друг о друга крошечные камешки.

– Работаю над заключением для судебного заседания, оно будет утром.

– Твой клиент – опять плохой человек?

Уилл улыбнулся.

– Ты говоришь совсем как твоя мать. На самом деле я не должен думать об этом так, малышка.

– Что он сделал? – Отблески заката румянили щеки девочки, а тускнеющие лучи солнца подсвечивали прядки ее темных волос, делая их золотисто-каштановыми.

– Он предположительно...

– Что это значит?

– «Предположительно»?

– Да.

– Значит, что это не доказано. Его обвиняют в том, что он продавал таблетки.

– Такие, как те, что я пью?

– Нет, твои таблетки хорошие, они помогают тебе. А он продавал людям – ну, *предположительно* продавал – плохие таблетки.

– А почему они плохие?

– Потому что они заставляют человека вести себя глупо и иногда плохо.

– Зачем тогда люди их пьют?

– Людям нравится то, что они чувствуют после того, как примут эти таблетки.

– А что они чувствуют?

Уилл поцеловал дочку в лоб и посмотрел на часы.

– Уже девятый час, Деви. Тебе пора пить свои лекарства.

Девлин вздохнула, но спорить не стала. Она никогда не пыталась увильнуть от лечения.

Иннис встал, держа ее на руках, и подошел к перилам веранды, сделанным из красного дерева.

Отец и дочь посмотрели на пустошь, окаймлявшую Оазис-хиллс, их район Ахо. Все дома на улице Ноуотер-лейн тыльной частью выходили на пустыню Сонора.

– Смотри, – сказал Уилл. – Видишь их?

В полумиле от дома из русла сухой реки показались темные точки, которые неспешно направились через пустыню к безлистному лесу гигантских кактусов сагуаро – их силуэты зловеще чернели на горизонте.

– Что это? – спросила Девлин.

– Койоты. На что спорим – после заката они начнут выть!

Когда Деви легла спать, отец прочитал ей несколько страниц из книги «Трещина во времени». Они уже добрались до предпоследней главы, «Зверская тетя», но девочка устала и уснула прежде, чем Иннис дочитал вторую страницу.

Мужчина закрыл книгу, положил ее на ковер и выключил свет. Прохладный воздух пустыни вливался в открытое окно. В соседнем дворе шипел разбрызгиватель, выбрасывая струйки воды. Девлин зевнула, издав мягкий горловой звук, и это напомнило Уиллу, как он укачивал ее, когда она была совсем крошечной. Девочка приоткрыла глаза и тихо спросила:

– Мама?

– Она задерживается на работе, в клинике, солнышко.

– А когда она вернется?

– Через несколько часов.

– Скажи ей, чтобы она зашла поцеловать меня, хорошо?

– Скажу.

Уиллу предстояло еще готовиться к утреннему заседанию, но он сидел и гладил Деви по голове, пока она снова не заснула. Наконец осторожно встал с края постели и выскользнул за дверь. Подойдя к столу, собрал свои книги и блокноты. Ему предстояло работать допоздна. Несколько чашек крепкого кофе, наверное, помогут в этом.

Разбрызгиватель в соседском саду умолк. В пустыне стрекотала одинокая цикада.

Где-то над Мексикой беззвучно полыхнула молния, и вдалеке завывли койоты.

Гроза застала Рейчел Иннис в тридцати милях к северу от мексиканской границы. Было половина десятого вечера, и позади был долгий день в бесплатной клинике в Соноите – там Рейчел раз в неделю работала на добровольной основе в качестве психолога, владеющего двумя языками.

Дворники на лобовом стекле мерно двигались туда-сюда. Яркие лучи фар высвечивали парок, поднимающийся от дорожного покрытия, а в зеркале заднего вида маячила еще одна пара огней – они сопровождали миссис Иннис вот уже десять минут, держась на расстоянии примерно в четверть мили.

Прямо впереди у обочины внезапно возникли мерцающие шарики. Женщина вдавила в пол педаль тормоза, и «Гранд Чероки» занесло задом на встречную полосу, прежде чем он остановился. На середину дороги, словно привлеченная светом фар, неспешно вышла олениха с детенышем. Рейчел уронила голову на рулевое колесо, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Олени перешли дорогу, и женщина тронула машину с места. Еще миля по темной дороге – и по капоту «Чероки» забарабанили градины.

Автомобиль резко вильнул к обочине, и Рейчел почувствовала, что снова теряет управление. Она пыталась вырулить ближе к середине дороги, но руль не слушался. Тогда она убрала ногу с педали газа, подождав, пока машина сама не остановится у края шоссе.

Затем Рейчел выключила мотор. Теперь тишину нарушал только стук дождя и града по крыше машины. Ехавший следом автомобиль пронесся мимо. Сняв очки и положив их на пассажирское сиденье, женщина открыла дверцу и вылезла наружу – ее обутое в туфли-лодочки ноги ступили прямо в середину огромной лужи, а черный костюм мгновенно промок от льющейся сверху воды. Миссис Иннис пробрала дрожь. Непроглядную темноту нарушали лишь вспышки молний, и женщина стала осторожно продвигаться вперед, не отнимая руки от теплого металла капота.

Молния ударила в песок пустыни всего в нескольких сотнях ярдов от дороги. В ушах у Рейчел зазвенело, волосы зашевелились. «Такой разряд может меня прикончить», – подумалось ей. Затем последовал оглушительный раскат грома, и череда вспышек озарила небо достаточно надолго, чтобы женщина смогла разглядеть: шины «Чероки» со стороны водительского места были целы.

Руки у нее дрожали. Поодаль в пустыне горел подожженный молнией высокий сагуаро, похожий на пылающий крест. Рейчел перебралась на другую сторону машины. В волосах ее застревали градины размером со стеклянный шарик для детских игр. Вспышка небесного электричества вновь озарила пустыню, широко раскинувшуюся вокруг. В этом зловещем синеватом свете Иннис увидела, что переднее колесо со стороны пассажирского места спущено.

Снова забравшись в «Чероки», Рейчел уселась за руль. Потеки туши ползли по ее щекам, точно угольные слезы. Она отбросила назад пряди длинных черных волос и помассировала виски, пытаясь отогнать подступающую головную боль. Ее сумочка лежала на полу под пассажирским сиденьем. Женщина подняла ее и принялась искать свой мобильный телефон. Наконец, нашарив его, попыталась позвонить мужу, но связи не было – видимо, из-за грозы.

Рейчел оглянулась назад, где к капоту «Чероки» было прикреплено запасное колесо.

Связаться с выездной службой автосервиса или эвакуатором она не могла, а в такой поздний час по этому дальнему шоссе почти никто не проезжал.

«Нужно просто подождать, а когда буря утихнет, снова попробовать дозвониться Уиллу».

Сжимая руль, Иннис смотрела сквозь лобовое стекло в ненастную тьму. Сейчас она находилась где-то к северу от границы, посреди национального парка «Органный кактус».

«Неизвестно где».

Снова полыхнула яркая молния, и эта вспышка на секунду высветила черный «Эскалейд», припаркованный на обочине в сотне ярдов впереди.

От грома задрожали стекла в окнах машины. Прошло пять секунд. Когда небо перечеркнул новый разряд, Рейчел ощутила странное, тревожное желание выглянуть в боковое окно машины.

И в этот момент какой-то мужчина с силой ударил по стеклу монтировкой.

Уилл проснулся, словно от резкого звука, и не сразу смог понять, где находится. Во рту было сухо. Стояла невероятная тишина – ее нарушало лишь тихое жужжание кулеров в компьютере да чуть слышное тиканье часов в соседней комнате. Оказалось, что Иннис уснул в кожаном кресле в своем маленьком домашнем кабинете. Компьютер все еще работал, шурша системой охлаждения, но монитор уже переключился в спящий режим.

Хозяин дома зевнул, и забытые на время сна заботы вновь захлестнули его. Он набрасывал заметки для завершающего слушания и к десяти часам зашел в тупик. Свидетельства по делу были слишком явными и изобличающими. Его ожидало поражение. Он лишь на мгновение прикрыл глаза, чтобы в голове прояснилось...

Протянув руку к кружке с кофе, Уилл сделал глоток и недоумевающе моргнул. Кофе был холодным и горьким. Адвокат пошевелил компьютерную мышку, и когда монитор снова включился, взглянул на часы и понял, что спать ему сегодня ночью больше не придется. Четыре часа девять минут. Ему необходимо быть в суде менее чем через пять часов.

Но все в свой черед – сначала ему нужен большой заряд кофеина. И немедленно.

Кабинет Уилла прилегал к основной спальне в восточной части дома, и проходя через нее в кухню, адвокат заметил нечто необычное. Он полагал, что жена уже спит в их супружеской постели, зарывшись под грудку легких одеял, но ее там не было. Покрывало лежало ровно – точно так, как они постелили его вчера утром.

Иннис прошел в гостиную, потом в комнату для отдыха, а потом дальше по коридору. Рейчел, наверное, вернулась домой, увидела, что он спит за столом, и пошла поцеловать Девлин на ночь. А потом, вероятно, устав за целый день работы в клинике, так и уснула в детской. Протягивая руку к дверной ручке, Уилл представлял себе, как ночник отбрасывает мягкий свет на лица Рейчел и Девлин.

Дверь была чуть приоткрыта – точно так же, как он оставил ее семь часов назад, когда укладывал дочь спать.

В детской его жены тоже не оказалось, и это заставило Уилла окончательно проснуться. Закрыв дверь, за которой спала Девлин, он направился обратно в комнату для отдыха.

– Рейчел? Ты здесь, дорогая?

Он подошел к парадной двери, откинул засов и вышел на крыльцо.

Темные дома. Свет фонарей. Улицы, все еще мокрые от грозы, которая пронеслась над городком несколько часов назад. Ветер стих, небо очистилось, и в нем ярко сияли звезды.

Когда Иннис увидел их на подъездной дорожке, колени его подогнулись, и он опустился на ступени крыльца, забыв, как дышать. «Бумер» в сопровождении двух патрульных машин, и никакого джипа «Гранд Чероки». Двое полицейских в форме направились к Уиллу, держа фуражки под мышками.

Патрульные разместились на диване в гостиной, а хозяин сел в кресло лицом к ним. В комнате все еще сильно пахло краской. Только в прошлые выходные они с Рейчел покрасили стены и сводчатый потолок в терракотовый цвет. Черно-белые фотографии пустынных пейзажей, раньше украшавшие комнату, по большей части все еще стояли, прислоненные к старому комоду, и ждали, пока их повесят заново.

Полицейские деловито изложили суть дела, по очереди описывая подробности – словно заранее отрепетировали, кто о чем скажет. Их голоса были такими ужасно спокойными и

сдержанными...

На данный момент у них было мало сведений. «Гранд Чероки» Рейчел был найден на обочине шоссе 85 на территории национального парка «Органный кактус» в Аризоне. Правое переднее колесо сдуто – скорее всего, оно было проколото гвоздем и медленно, но неуклонно теряло давление в шине. Стекло в двери со стороны водителя выбито.

Ни Рейчел, ни следов крови.

Полицейские задали Уиллу несколько вопросов. Они пытались выразить ему сочувствие, говорили, как им жаль, а Иннис просто смотрел в пол и чувствовал, как в груди что-то медленно сжимается, перекрывая доступ воздуха в легкие.

В какой-то момент он поднял взгляд и увидел, что Девлин стоит в коридоре, одетая в длинную розовую футболку – нижний край этого одеяния доставал до застеленного ковровым покрытием пола. Лоскутное одеяло, в обнимку с которым она засыпала каждый день с самого рождения, было перекинуто через левую руку девочки. И по ее глазам, полным слез, Уилл понял: она слышала все, что говорили полицейские о ее матери.

Рейчел Иннис была надежно пристегнута двухдюймовым нейлоновым ремнем к кожаному креслу позади водителя. Она могла лишь сидеть прямо и смотреть на приборную панель. Электронные часы показывали 4:32. Женщина помнила лишь удар монтировки по стеклу – а затем ничего.

Из стереосистемы гремели «Четыре сюиты для лютни» Баха в переложении Джона Уильямса для классической гитары. За лобовым стеклом свет фар вырывал из темноты крошечный клочок дороги. И хотя машина, в которой ехала Рейчел, была роскошным внедорожником с мощными амортизаторами, ухабы и рытвины разбитой дороги ощущались все равно – что бы это ни была за дорога.

Запястья и лодыжки Рейчел были крепко схвачены такими же нейлоновыми лентами-стяжками – однако тот, кто ее связывал, постарался, чтобы путы не причиняли неудобства, и не заткнул ей рот. С заднего сиденья Рейчел видела лишь затылок водителя, а иногда – щеку и рдеющий огонек сигареты. Ей удалось различить только, что он гладко выбрит и что волосы у него темные. От него исходил слабый пряный запах одеколona.

В какой-то момент Рейчел осознала: он не знает, что она очнулась. Но эта мысль не просуществовала и двух секунд. Женщина перехватила взгляд водителя в зеркале заднего вида. Этот взгляд бесстрастно отметил ее пробуждение и вновь обратился на дорогу.

Они ехали все дальше. Ничего не происходило – лишь временами через дорогу в свете фар перебегала стайка каких-то грызунов. Пленницу неотрывно терзала одна мысль: рано или поздно он остановит машину и сделает то, ради чего везет ее в пустыню.

– Ты не обмочила мне сиденье?

Рейчел показалось, что в голосе похитителя звучал легкий акцент.

– Нет.

– Скажешь мне, если тебе приспичит помочиться. Я остановлю машину.

– Хорошо. Куда вы...

– Никаких разговоров. Если только тебе не нужно в туалет.

– Я только...

– Хочешь, чтобы тебе заклеили рот? У тебя насморк, с заклеенным ртом тебе будет трудно дышать.

Единственное, о чем когда-либо молилась Рейчел, – это о жизни Девлин, и это было много лет назад; но сейчас, глядя сквозь тонированное стекло дверцы, как мимо проносятся кактусы и кусты полыни, она снова вознесла молитву Господу.

«Эскалейд» сбавил скорость и остановился. Мужчина заглушил двигатель, вышел наружу, захлопнул водительскую дверцу и распахнул пассажирскую. Он стоял и смотрел на Рейчел. Он был очень красив, если не брать во внимание впадину на переносице: с безупречной смуглой кожей, ярко-синими глазами и зачесанными назад ото лба черными волосами. Его ровные зубы словно мерцали в темноте. Пленница почувствовала, как у нее перехватывает дыхание, будто ремень, сдавливающий ее грудь, затянулся сильнее.

– Спокойно, Рейчел, – произнес водитель. Ее имя в его устах прозвучало, точно слово на чужом языке. Из кармана своей черной кожаной куртки мужчина извлек шприц и снял с иглы пластиковый колпачок.

– Что это? – спросила женщина.

– У тебя отличные вены. – Похититель нырнул в салон «Эскалейда» и повернул ее руку локтевым сгибом вверх. Когда игла вошла в вену, Рейчел вскрикнула.

– Прощу вас! – снова попыталась заговорить она. – Если это ради выкупа...

– Нет-нет, тебя уже купили. На самом деле сейчас для тебя безопаснее всего – оставаться в моем распоряжении.

Где-то в темноте пустыни разразилась диким воем стая койотов. Рейчел подумала, что этот вой похож на крик женщины, которую сжигают заживо, – и начала кричать сама. И кричала, пока не подействовал наркотик.

Они начали прибывать после четырех часов дня. К пяти часам исчезновение Рейчел стало главной темой на всех местных каналах новостей, и даже в Тусоне и Финиксе. Когда пробило шесть, вдоль Ноутер-лейн припарковалось больше автомобилей, чем когда Хасслеры созывали гостей на барбекю в честь Дня независимости.

Четверть восьмого. Более сорока человек набились в скромный бревенчатый дом Уилла и Рейчел в аризонском городе Ахо. Они заполнили комнату для отдыха, гостиную и кухню, а те, кому не хватило места внутри, выбрались на веранду. То было странное сборище – все эти люди, привлеченные трагедией. Общая атмосфера напоминала ту, что бывает на поминках: обилие еды и выпивки, приглушенные разговоры, никакого смеха... Эта мысль пронзила Уилла, когда тот сидел на диване, обнимая Девлин, в окружении тех, кого он любил, друзей, с которыми не виделся годами, соседей, с которыми редко перебрасывался хоть словом. До него вдруг дошло, что все эти люди пришли, чтобы разделить с ним это горестное бдение. Они ждали известий о том, что Рейчел нашлась, хотя все знали: людей, пропавших близ границы, редко находят живыми, если находят вообще.

– Уилл?..

Он вынырнул из оцепенения и поднял взгляд на мать Рейчел, стоящую у встроенного книжного шкафа со стаканом бурбона в руке.

Дебра была очень похожа на дочь: такая же стройная фигура и черные волосы. С расстояния в несколько метров их с Рейчел можно было принять за сестер. Но если подойти ближе, становилась видна седина на отросших корнях волос Дебры, а за десятилетия жизни в этих пустынных землях беспощадное солнце выдубило кожу лица пожилой женщины и покрыло ее непроходящим загаром.

– Не могу запомнить, пьешь ты со льдом или нет, – добавила она.

– Да, со льдом. Так будет просто идеально.

Дебра протянула ему стакан «Мейкерс Марк» – уже четвертый за вечер.

– Может, я ее заберу? – Она указала на Девлин, уснувшую на руках у Уилла. В обычных обстоятельствах тот позволил бы теще взять девочку на руки, но сейчас Дебру пошатывало от сочетания «Валиума» и водки.

– Мне нужно, чтобы она была со мной, матушка, – возразил Иннис.

Он пил виски и чувствовал, как приливает к лицу кровь. Сквозь алкогольный туман ему начинало казаться, что похороны Рейчел уже состоялись, просто у него все выпало из памяти: и надгробные речи, и угрюмые лица могильщиков, и рыдания дочери, когда она смотрела, как гроб ее матери опускают в яму...

Пошатываясь, Уилл поднялся на ноги и понес Девлин обратно в детскую. Она устала сверх всяких пределов, и он тоже. Уложив дочь в постель, Иннис подоткнул одеяло, опустил на колени рядом с кроватью и несколько мгновений смотрел, как девочка спит. При каждом вдохе его солнечное сплетение пронзала резкая боль. Через некоторое время Уилл поднялся и направился в свою спальню. Свою и Рейчел спальню. Он закрыл и запер за собой дверь, а потом открыл комод, стоящий в изножье их кровати.

На самом дне ящика Уилл нашел потрепанную трикотажную рубашку, которую его супруга неизменно надевала во время похолодания. Рубашка была темно-синей, и когда-то, много лет назад, на ней красовалось название колледжа, который окончила Рейчел. Но

стиральная машинка давным-давно содрала белые буквы.

Уилл поднес рубашку к лицу и вдохнул запах жены.

По пути обратно в комнату отдыха он остановился возле гостевой комнаты. Кто-то громко всхлипывал за дверью. Уилл открыл дверь. Свет в комнате не горел, но когда его глаза привыкли к темноте, Иннис различил силуэт Элизы, сестры Рейчел. Она, скорчившись, сидела возле гардероба в углу.

– Ты как? – спросил он.

Элизе потребовалось несколько мгновений, чтобы перевести дыхание. Глянув поверх ее головы в окно, хозяин дома увидел во дворе какие-то странные огни.

– Она мертва, Уилл. Я это чувствую.

Иннис закрыл глаза, защищаясь от жестокости ее слов. Он готов был ударить ее за то, что она озвучила зловещую мысль, неотступно преследовавшую всех собравшихся.

– Разве ты сам не чувствуешь этого, Уилл?

Он закрыл глаза и вернулся в комнату отдыха, где схватил со стола свой стакан с виски.

Один огромный глоток – и дивная мягкая преграда, отделявшая его от реальности, восстановилась в полном объеме. Комнату наполнило тихое гудение, еще несколько глотков – и она начнет вращаться.

Мужчина направлялся к парадной двери, чтобы узнать, что за огни горят там во дворе, когда кто-то взял его под локоть.

– Привет, Уилл. Вот ты где, приятель!

Иннис никак не мог вспомнить имени этого человека и лишь секунду спустя понял почему. Этот мужчина жил по соседству, но они никогда не разговаривали. Уилл узнал его лишь потому, что видел его постоянно в субботу по утрам: сосед мыл белый «Лексус» на своей подъездной дорожке именно в то время, когда Иннисы проезжали мимо, направляясь в спортивный центр.

Это был латиноамериканец примерно одного возраста с Уиллом.

– Извините, я не знаю вашего имени, – произнес тот.

– Мигель, – представился тот. – Когда вы с женой проезжали мимо моего дома, мы махали руками друг другу. Я увидел в новостях, а потом все эти машины у вашего дома... Я решил, что нужно прийти. Если я что-то могу для вас сделать...

Уилл почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы: то ли от опьянения, то ли от всех событий этого ужасного дня. Доброта этого человека, с которым они прежде обменивались лишь приветственными жестами, стала последней каплей.

– Спасибо, Мигель. – Иннис вытер глаза и откашлялся. – Не хотите что-нибудь съесть или выпить? На кухне приготовили целый закусочный стол.

Когда сосед ушел, Уилл открыл парадную дверь и вышел на крыльцо.

– Боже... – прошептал он. Преграда исчезла. Невыносимая тяжесть исчезновения Рейчел заставила его задохнуться, и он осел на ступени. В голове билась одна мысль: «Это действительно случилось».

Вся улица превратилась в одну огромную стоянку. В квартале от дома припарковался фургон новостного канала, на крыше которого белела огромная спутниковая антенна. На лужайке перед домом, посреди высокой травы, из которой торчали сагуаро и побеги юкки, стояли кружком человек десять-двенадцать. Их лица были озарены пламенем свечей, которые они держали в руках, – их огоньки подрагивали под вечерним ветром, дующим из пустыни.

Уилл сидел, глядя на этот круг мерцающих огней, на темнеющее небо, и чувствовал боль под ребрами – такую сильную, что он с трудом мог дышать. Ему приходилось напрягать слух, чтобы расслышать, что говорят эти люди.

До него донесся глубокий женский голос:

– Милосердный Господь, ты сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»^[1]. И вот мы здесь, Господи, и мы просим Тебя о спасении Рейчел Иннис.

Уилл с трудом поднялся на ноги и пошел к молитвенному кругу, продираясь сквозь траву. Он не молился много лет – с тех пор как они с женой узнали о болезни дочери. Он считал, что отверг Бога – и что это отвержение взаимно. Но сегодня это закончилось.

Уилл выскользнул из круга свечей и направился обратно к дому, чтобы проверить, как там Девлин. Он не молился вслух, хотя и желал этого. Но слишком много времени он не разговаривал с Богом, и теперь ему было трудно сделать это, особенно в присутствии посторонних.

Едва он протянул руку, чтобы открыть парадную дверь, как та распахнулась сама. На пороге стояла мать Рейчел, и лицо ее выражало смятение.

– Уилл, там, в гостиной, ждет детектив. Он хочет поговорить с тобой.

Иннису почему-то казалось, что детектив будет относительно молодым, возможно, его ровесником, с короткой стрижкой и суровым, полным недоверия взглядом. Будучи адвокатом, он часто имел дело с копами и привык относиться к ним как к низшей касте исполнительных властей. По его мнению, они были косны, лишены воображения и склонны быстро формировать мнение по какому-либо вопросу, причем это мнение впоследствии нельзя было поколебать никакими фактами. Но детектив, ожидающий в гостиной, не соответствовал этим шаблонам – по крайней мере, с виду. Он сидел на диване между двумя подругами Рейчел из группы йоги, сложив руки на коленях, и с буддийским спокойствием взирал на фотографию в рамке, висящую над каминной доской, – кадр, сделанный два года назад во время поездки к Гранд-Каньон. Следователь оказался пожилым человеком, гладко выбритым, с белоснежной шевелюрой и ясными синими глазами. Завидев Уилла, он встал, застегнул пиджак и поприветствовал хозяина дома подобающе сдержанной улыбкой.

– Мистер Иннис, я детектив Тедди Суайсгуд, – представился он после рукопожатия. – Если не ошибаюсь, я несколько раз участвовал в перекрестных допросах, которые вы вели. Но не беспокойтесь, я не держу на вас обиды. Мне жаль, что пришлось встретиться при таких обстоятельствах.

Он был выше Уилла – по меньшей мере на четыре дюйма. Прожитые годы, похоже, обогатили его мудростью и опытом – это читалось во взгляде и выражении лица сыщика, – однако рукопожатие его было крепким, а тело – худощавым и подвижным. Одет он был в деловой костюм от фирмы «Сирс».

– У вас есть какие-то новости? – спросил Иннис.

– Здесь многовато народа. Мы можем где-нибудь поговорить наедине?

– Да. Хотите выпить?

– Я бы не возражал против стаканчика виски.

Уилл налил виски в два стакана и провел Суайсгуда через раздвижные стеклянные двери. На веранде несколько человек – по большей части не знакомых Иннису – сидели на стульях, принесенных из кухни, и что-то ели с бумажных тарелок, как будто пришли на пикник.

Детектив и хозяин дома спустились с крыльца и прошли через лужайку к выдавшей виды изгороди, которая шла вдоль всей Ноутер-лейн, отделяя задние дворы Оазис-хиллс от пустыни.

Уилл прислонился к изгороди, собрался с духом и произнес:

– Просто скажите мне. Не ходите вокруг да около...

– Мы разослали запросы и ориентировки по всему Юго-Западу, а также связались с мексиканскими властями.

– Вы не нашли ее?

Суайсгуд покачал головой.

– Как вы думаете, она жива?

– Не знаю.

– А каково ваше личное мнение?

– Мистер Иннис, еще слишком рано...

– Пожалуйста, не надо этих уверток!

– Участок шоссе, на котором она исчезла, пользуется дурной славой. Известно, что там перевозят наркотики и нелегальные грузы, в том числе людей. Мне кажется, дело плохо.

Эти слова обожгли Уилла, словно брызги кислоты. Он только сейчас осознал, что после случившейся трагедии горе накатывало на него волнами и каждая новая волна была больше предыдущей и несла с собой новую боль.

Они стояли у изгороди, пили виски и смотрели на юг, через пустыню, в сторону Мексики, где в небесах догорали последние отблески света, задержавшиеся на горизонте, словно память об ушедшем дне.

Затем и этот свет угас, и в небе высыпали звезды, бесчисленные и яркие. Где-то завyli койоты. Было слышно, как какое-то крупное животное – возможно, чернохвостый олень – несется прочь, хрустя высохшей травой. Уилл думал о Рейчел, которая сейчас находится где-то там – может быть, живая, а может быть, и нет, – и понимал, что самая острая боль еще впереди. Возможно, эта боль накроет его завтра утром, когда он проснется и поймет, что произошедшее не было страшным сном и что ему предстоит смотреть в лицо этому кошмару наяву.

Вспыхнула спичка. Тедди Суайсгуд раскурил сигарету и задул огонь, а потом лизнул большой и указательный пальцы и задавил тлеющую головку спички, прежде чем бросить ее в траву. Глубоко затянулся и выдохнул струю дыма, медленно поплывшую над оградой в сторону пустыни.

– Скажите, мистер Иннис, кто-нибудь сможет присмотреть за вашей дочерью некоторое время?

Уилл так и стоял, прислонившись к изгороди, и только теперь повернулся лицом к детективу. В голове у него мутилось, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы подыскать нужные слова:

– А зачем за ней присматривать?

– Я подумал, что нам с вами следует проехать в участок и побеседовать.

Эти слова точно наэлектризовали воздух между мужчинами.

– О чем? – спросил Иннис.

– Я буду ждать в своей машине. Она припаркована за фургоном репортеров, тем, с «тарелкой» на крыше. Советую вам поручить дочь чьим-нибудь заботам, а потом отправиться со мной.

Уилл одним глотком осушил стакан и поставил его на столик ограды. Темная земля и темное небо покачивались у него перед глазами, ноги подкашивались, а на лице выступил липкий пот.

– А, ч-черт... – Он, пошатываясь, прошел футов десять, и его стошнило. Иннис еще некоторое время постоял, согнувшись и глядя на дом, в окнах которого, точно призраки, скользили силуэты людей, а потом выпрямился и оглянулся на замершую в вечерней темноте пустыню. Влажные травинки терлись о его голые лодыжки. Уилл вытер рот и спросил:

– Вы серьезно?

– Да, – кивнул Тедди.

– Мне вызвать своего адвоката?

– Думаю, пока что в этом нет смысла. Я лишь попрошу вас ответить на несколько вопросов. Поможете мне разобраться кое в чем. Так что жду вас в своей машине через несколько минут.

Хавьеру хотелось кофе – крепкого и горячего, – и словно в ответ на его желание примерно в четверти мили впереди, чуть в стороне от стоящей у федеральной трассы заправочной станции, замаячил «Старбакс».

Необходимость оставить женщину одну заставляла его нервничать, однако пленница была надежно привязана к креслу и все еще не пришла в себя после недавней инъекции, а Хавьеру требовалась хорошая порция кофеина – иначе он может, не доехав до Айдахо, уснуть за рулем и попасть в аварию со смертельным исходом.

В зале «Старбакс» царил соблазнительный запах кофе и сияли хромированные кружки, френч-прессы и кофемашины, а из висящих под потолком колонок доносились ритмичные звуки музыки.

Хавьер посчитал: в очереди перед ним стояли девять человек.

***

Рейчел плавала в темном теплом море. Казалось, прошли годы, прежде чем ей удалось хотя бы открыть глаза, и когда она это сделала, мир вокруг предстал лишь ослепительными полосами света и эхом приглушенных звуков. Женщина тихо застонала, но не от боли, а от обжигающего наслаждения.

Она сидела на переднем сиденье «Эскалейда», пристегнутая одним только ремнем безопасности. Машина стояла на месте, но мотор работал. Рейчел кое-как сумела повернуть голову и взглянуть на пустое водительское сиденье рядом.

Посмотрев через тонированное лобовое стекло, она попыталась понять, где находится, но от малейшего ее движения огни и предметы расплывались и искажались перед глазами так, что опознать их было невозможно. Голова кружилась, и Иннис лишь усилием воли не давала своему разуму погрузиться в пучину непонятных и бессмысленных грез. Она смутно осознавала, что попала в беду, но не могла вспомнить ничего о том, что это за беда и какие события предшествовали текущему моменту. Женщина знала лишь, что ей нужно выбраться из машины до того, как вернется водитель.

Когда Рейчел сумела сесть прямо, окружающий мир наконец обрел четкость. Из ярких огней сложилась знакомая надпись – «Эскалейд» был припаркован у входа в «Старбакс».

Миссис Иннис заметила, что внутри кафе к кассе выстроилась очередь. Мужчина – водитель «Эскалейда» – стоял последним и смотрел на Рейчел.

***

Со своего места в очереди Хавьер мог наблюдать за машиной через стекло витрины. Он заметил, что женщина уже не полулежит, безвольно обмякнув на пассажирском сиденье, удерживаемая лишь ремнем безопасности, а пытается выпрямиться и осмотреться.

Стоящая у кассы покупательница забрала свой стаканчик, и очередь сдвинулась вперед.

Следующая чета заказала латте и десерт. Хавьер как раз стоял у застекленного прилавка

со сладостями и наблюдал, как плотно сложенный бариста тянется за двумя кусками торта с бисквитной обсыпкой. Потом похититель снова выглянул наружу. Женщина теперь смотрела куда-то вниз, видимо заметив, что он сделал с ремнем безопасности.

Еще один посетитель, водитель грузовика, сделал заказ:

– Просто кофе, пожалуйста.

Хороший человек.

Стоявшая за дальнобойщиком женщина заказала какую-то дорогую минералку – двадцатисекундная транзакция, взмах кредитной карточки. Хавьер уже чувствовал восторг в предвкушении кофе, льющегося в горло, а потом – снова на дорогу, как пел тот волосатый реднек^[2].

***

Рейчел потянулась расстегнуть ремень безопасности, но застежка была в несколько слоев обмотана сантехническим скотчем. Женщина поняла, что в таком состоянии – слабая и все еще наполовину оглушенная наркотиком – она не сумеет разорвать прочный скотч, и вместо этого попыталась поднять руку. С четвертого раза ей удалось нажать на рычажок автоматического управления окном.

Тонированное стекло послушно скользнуло вниз, уходя в дверцу. В салон машины ворвался вечерний воздух, пахнувший бензином и машинным маслом. Где-то поблизости слышался равномерный шум – по федеральной трассе непрерывным потоком неслись автомобили. Воздух был слишком холодным для Южной Аризоны, и Рейчел, с трудом пробиваясь сквозь наркотический дурман, задумалась о том, как далеко она уже от дома.

***

Теперь впереди него в очереди стояло только семейство: мать, отец, девочка-подросток и мальчишка, который то и дело украдкой поглядывал на Хавьера с того момента, как он вошел в кафе. Они начали заказывать.

Отец: кофе.

Мальчик: горячий шоколад.

Девочка: латте.

Хавьер взглянул на свой «Эскалейд» и заметил, как опустилось стекло дверцы с пассажирской стороны.

Наконец, подала голос мать стоящего перед ним семейства:

– Мне, пожалуйста, обезжиренный, большой, со льдом, с десятью ложками сиропа чай-латте с плотной пеной.

Похититель перевел взгляд на кассу, чувствуя, как в висках у него пульсирует раздражение, граничащее с желанием убивать.

Бариста, ухмыльнувшись, переспросил:

– Не могли бы вы повторить это снова, немного медленнее?

– Обезжиренный. Большой. Со льдом. Чай-латте, – принялась перечислять женщина. – Десять ложек сиропа. С плотной пеной.

– За дополнительные ложки сиропа придется доплатить, – предупредил продавец.

– Хорошо, я знаю.

– Я работаю только второй день, позвольте уточнить. Под «обезжиренным» вы понимаете...

– С нежирным молоком.

Бариста скорчил печальную гримасу, готовясь сообщить неприятную новость:

– Оно у нас только что закончилось.

– О нет! – разочарованно выдохнула мать.

Хавьер прикинул, что давление у него поднялось до 130 на 90. Мочки ушей зудели и едва ли не подергивались.

– У нас есть двухпроцентное, – предложил продавец.

– А однопроцентное?

– Извините.

– А можно сделать его на воде?

– На воде?

– Вместо горячего молока.

– Я никогда о таком не слышал, но полагаю, что можно. Вы – посетитель, а посетитель всегда прав.

Раздражение рвалось наружу, вопреки всем надеждам Хавьера. Похититель достаточно хорошо знал себя, чтобы понять: если он будет просто стоять и смотреть, как тлеет фитиль, то в итоге сделает что-то необдуманное и опасное, как в тот раз с Хуаресом.

Он открыл рот – не для того, чтобы высказать то, что думал в действительности, а просто чтобы выпустить пар в каком-нибудь бессмысленном высказывании и вернуться к более или менее нормальному состоянию.

– Вы когда-нибудь пробовали кофе? – бодрым тоном произнес он, и вся семья разом повернулась на его голос. Хавьер улыбнулся, чувствуя, как ненависть сочится сквозь его оскаленные зубы, и надеясь, что она не коснется их. – Сегодня у них подают «Юбилейный бленд». Вам нужно было просто сказать: ««Юбилейный бленд», пожалуйста». И никаких сложных заказов. И знаете что? Баристе нужно было просто взять чашку или стаканчик и наполнить его. И все, ваш заказ был бы готов, и можно было бы обслуживать следующего посетителя.

– Я задержала вас надолго, да? – спросила мать. – Извините.

– Это ваш любимый напиток?

– Совершенно верно. Я пью по два чая-латте в день.

– Ясно.

– Может быть, купить вам кофе в качестве извинения за задержку?

Похититель не знал, что эта дама имеет в виду: то ли ей действительно было жаль, то ли она намекала, что он хам и грубиян. Однако он с уважением отнесся к тому, как она вела беседу, – несмотря на то что в целом он ее презирал.

– Нет, спасибо, – ответил Хавьер.

***

Из «Старбакс» вышло семейство – четыре человека; на картонном подносе в руках отца

стояли четыре стакана с напитками.

Рейчел навалилась на дверцу и свесила руки из окна, упершись подбородком в резиновую герметизационную полосу. Чуть приподняв одну руку, она уронила ее, ударив ею по дверце.

Но взрослые уже прошли мимо, не заметив ее.

Миссис Иннис снова подняла и уронила руку, произведя новый удар. Мальчик оглянулся и, заметив ее, остановился и прищурился.

«Помоги мне», – молила его женщина. Он склонил голову и уставился на нее. Лицо Рейчел едва виднелось над краем окна, бледное, покрытое потом, с неестественно косящими глазами.

– Помоги... – прохрипела она.

Мальчик приблизился к машине.

– Помоги, – снова прошептала Рейчел. – Я не должна быть здесь.

– Ты какая-то смешная, – сказал мальчик. – Что у тебя с глазами?

Женщина изо всех сил пыталась не дать глазам закатиться.

– Донни, сынок, идем! – позвал ребенка отец. – Ты нас задерживаешь.

– Папа, с этой женщиной что-то не так!

«О, спасибо! Спасибо!» Рейчел едва вновь не лишилась сознания – в ее крови бурлил героин. Мальчик растворился в водовороте кружащихся огней, но она заставила свой взгляд снова сфокусироваться на нем. Он, похоже, был ровесником Девлин. Рядом с ним теперь стоял мужчина, который, нахмурившись, смотрел сверху вниз на пленницу. Он был невысоким и кругловатым – молодой отец, сам едва переросший детскую пухлость. Одет этот мужчина был в шорты цвета хаки и желтую рубашку-поло. Губы его шевелились, но Рейчел понадобилось несколько секунд, чтобы соотнести их движение со звуками, которые сопровождали эти движения.

– ...Нужен доктор или что-то еще?

«Вытащите меня отсюда!»

– ...Человек, который вас привез, в кафе?

«О боже. Пожалуйста...»

– ...Не понимаю, что вы говорите.

Смуглый синеглазый мужчина, похитивший ее, подошел к мальчику и его отцу сзади.

Рейчел пыталась оторвать взгляд от его ботинок – они, казалось, были сшиты из пупырчатой черно-желтой кожи ядозуба.

– Что с ней не так? – спросил мальчик.

Хавьер улыбнулся.

– Это личное дело, парень. – Он шагнул между ними, мягко поднял голову Рейчел с края окна и поцеловал ее в щеку. – Засыпай снова, дорогая.

Иннис застонала, изо всех сил пытаясь сопротивляться, – но сил у нее не было. Похититель распахнул дверцу и, подняв стекло, захлопнул ее снова. Когда он обернулся, мальчик и его отец все еще стояли на прежнем месте. Стекло опустилось вновь.

– Помогите, – произнесла Рейчел и застонала достаточно громко, чтобы все это услышали.

– Что происходит? – спросил отец мальчишки.

Хавьер вздохнул и на мгновение опустил глаза, изучая масляные пятна на бетоне площадки.

– Происходит то, – наконец ответил он, – что моя жена сидит на героине. Сейчас она снова вмазалась. Вот настолько, – он развел большой и указательный пальцы примерно на дюйм, – от смертельной дозы. Я везу ее в клинику в Солт-Лейк-Сити на процедуру детоксикации.

– Ох, простите! Должно быть, вам и так трудно, – вздохнул отец ребенка.

– Трудно. Я не могу брать больше одного выходного дня зараз.

– Извините, что мы побеспокоили ее. Идем, Донни.

– Но она просила о помощи, папа!

Хавьер присел на корточки, глядя на мальчика. Он уже отметил местоположение всех внешних камер наблюдения.

– Я хочу, чтобы ты навсегда запомнил этот вечер, – произнес он. – Потому что вот это, – он указал большим пальцем себе за спину, туда, где Рейчел вновь стучала о дверцу безвольной рукой, – именно то, что делают с тобой наркотики.

– Боже правый! – промолвил отец мальчика, после чего взял сына за плечи и повел его к мини-фургону, припаркованному с дальней стороны от бензоколонки.

Хавьер уселся за руль своего «Эскалейда» и посмотрел на Рейчел, которая висела на ремне безопасности, наклонившись почти к самой приборной панели.

– Ты хоть понимаешь, что сейчас сделала? – спросил он.

***

В мини-фургоне Рик Картер раздал стаканчики с напитками из «Старбакс» жене и детям. Им предстояло ехать всю долгую ночь, и если повезет и в пути не будет задержек, они прибудут в Альбукерке завтра после обеда.

Едва сделав первый плоток, он услышал стук в окно. Обернувшись, Рик увидел, что там стоит водитель «Эскалейда», и ощутил, как внутри сжимается холодный комок. На мгновение он подумал, не рвануть ли ему с места подальше отсюда.

– Как ты считаешь, что ему нужно? – спросила у Рика жена.

– Думаю, сейчас узнаем. – Глава семьи на несколько дюймов опустил стекло дверцы. – Чем могу быть полезен?

Похититель посмотрел на детей на заднем сиденье, на симпатичную жену Картера. В машине витали запахи «Старбакс».

– У вас есть телефон? – спросил Хавьер.

– Да, – кивнул Рик. – Вам нужно...

– Вы набрали номер девятьсот одиннадцать?

– Нет, а почему...

– Вы уверены?

– Послушайте, я не понимаю, о чем вы...

Хавьер рывком распахнул дверь и выстрелил мужчине в лицо, а потом двумя быстрыми выстрелами заставил смолкнуть визг на заднем сиденье. После этого он устался на женщину – та скомкала картонный стаканчик в кулаке, и сквозь ее пальцы струился исходящий паром чай.

– Наслаждаешься своим обезжиренным большим чаем-латте со льдом, десятью ложками сиропа и плотной пеной?

Он выстрелил ей в горло и захлопнул дверь.

В течение всей короткой поездки до полицейского управления округа Пима они молчали. В здании не было практически ни души. Суайсгуд провел Уилла мимо пустующего поста дежурного, налево по коридору и остановился перед дверью, на которой по трафарету белой краской было написано «Допросная № 1».

Помещение было обставлено скудно: маленький стол и три стула. На столе стоял магнитофон, а в углу потолка наклонно была закреплена видеокамера, объектив которой смотрел на стол.

– Принести вам воды? Или кофе? – спросил Суайсгуд.

– Я хочу побыстрее покончить с этим и вернуться к дочери, – отозвался Иннис.

– Конечно.

Тедди опустил на стул напротив Уилла и бросил на стол тонкую папку. Его собеседник быстро трезвел – сердце гулко колотилось у него в груди.

– Я должен записывать нашу беседу. – Детектив включил магнитофон. – Вам известны ваши права?

– Конечно.

Тем не менее Суайсгуд перечислил их, и когда он закончил, Уилл сказал:

– Я временно отказываюсь от этих прав.

Полицейский подался вперед:

– Вы – судебный исполнитель, верно?

– Вы знаете, что это так.

– Я подумал, что вы можете кое-что объяснить мне. – Детектив улыбнулся. – Ваша жена не вернулась домой вчера вечером, верно?

– Именно так.

– Вы сказали, что она работала в клинике в Соноите.

– Да.

– В какое время она должна была вернуться домой?

– Между десятью и половиной одиннадцатого.

– Хорошо, тогда позвольте спросить: в какой момент любящий муж начинает беспокоиться, если его жена не возвращается домой?

– Я не понимаю, что вы...

– Когда она опаздывает на час?

– Послушайте...

– На два? На три? На четыре часа?

– Ладно, я понимаю, к чему вы...

– Полагаю, в вашем случае должно было пройти больше шести часов, но мы этого так и не узнали, поскольку вы не позвонили в экстренные службы, не так ли?

– Вы позволите мне объяснить?

– Пожалуйста, я слушаю.

– Наутро после той ночи у меня было назначено заключительное слушание в суде. Я засиделся до позднего вечера, работая над речью.

– Насколько поздно?

– Я уснул за своим столом примерно в десять. Когда я проснулся, было четыре часа утра.

Я искал ее по всему дому, я был в ужасе. Дорожный патруль приехал прежде, чем я успел набрать девятьсот одиннадцать.

Суайсгуд наклонился еще ближе:

– Уилл, я занимаюсь расследованиями уже тридцать лет. Преступления? Они всегда эмоциональны. Вы представляли в суде немало подонков, которых я помог упрятать за решетку, и вы знаете, что в горячке, когда ярость и адреналин зашкаливают, преступник творит невероятные глупости. Поэтому у меня к вам один вопрос. Вы в чем-нибудь ошиблись?

– Я не понимаю, о чем вы...

– Вы полагаете, что сделали все идеально, верно?

– То есть?

– Жизнь вашей жены застрахована на полтора миллиона долларов.

– У моей дочери муковисцидоз. Если бы что-нибудь...

– Печально слышать. Но, тем не менее, это огромные деньги. Какой была ваша семейная жизнь, Уилл?

– Хорошей. Отличной.

– Правда? А я сегодня вечером беседовал с вашими соседями. И Томлины рассказали, что несколько дней назад вы с вашей женой устроили целое представление на веранде. Кричали, ругались, едва ли не дрались...

– А вы никогда не ссорились со своей женой? Поздравляю.

– Из-за чего у вас вышла ссора?

– Из-за денег.

– Из-за денег?

– Нам сложно. Вы понимаете, сколько может стоить медицинская страховка для человека с неизлечимой болезнью, как у моей дочери? Это может стать испытанием для любого брака.

– Что ж, отныне это не будет проблемой, верно?

– Что именно?

– Деньги.

Суайсгуд поднялся и, не сказав больше ни слова, выключил магнитофон и покинул комнату. Когда дверь за ним закрылась, Уилл посмотрел на часы. 22:47. Руки у него дрожали, в горле стоял ком.

«Он пытается повесить это на тебя. Ты можешь потерять и жену, и дочь». На глаза Инниса навернулись слезы от одной мысли о том, что Девлин может стать сиротой. Больше всего Уилла пугала не перспектива оказаться за решеткой и не то, что может случиться с таким, как он, в тюрьме. Его страшила возможность того, что его не будет рядом с дочерью, когда ее болезнь наконец возьмет свое. Он знал, что Девлин вполне может умереть в ближайшие пять лет, и это была реальность, с которой приходилось смириться. Но сейчас, в этой скудно обставленной допросной комнате, Уиллу представилось мрачное утро несколько лет спустя в флоренской тюрьме строгого режима. Охранник пройдет по длинному коридору к его камере, разбудит его и сообщит через решетку, что Девлин умерла ночью. Ничего хуже Иннис и вообразить не мог.

«Девлин не умрет в одиночестве. Ты не допустишь этого. Она – твой смысл жить дальше. Твое сердце».

Дверь допросной отворилась. Суайсгуд снова уселся напротив Уилла, поставив на стол

пенопластовый стаканчик с горячим кофе.

– Прежде чем мы продолжим, позвольте сказать вот что. Это моя работа. Я действую по наитию, иду туда, куда оно подсказывает. Именно это я и делаю сейчас. Если вы не сталкивались с таким прежде, мне очень жаль... Ладно, вернемся к делу.

Детектив снова включил запись. Теперь он держался спокойнее и ровнее. Иннис выпрямился.

– Смотрите на меня, Уилл. – Все, кроме его глаз, поблекло, скрылось в искажающей очертания тьме. Эти глаза действовали словно магнит, притягивали взгляд Уилла, заставляли смотреть так сосредоточенно, что больно было даже моргнуть. Суайсгуд же тем временем продолжал: – Где-то в глубине души вам хочется сказать мне правду. И уже давно. Я видел это в глазах многих людей, и я вижу это в ваших. – Его голос упал почти до шепота, и этот ровный успокаивающий тон мог бы убаюкать Инниса, если б не магнетический взгляд синих глаз Тедди. – Вы знаете, как приятно сказать правду, Уилл? Какое это облегчение? Вы ведь понимаете, насколько вы упростите этим жизнь себе и своей дочери? Вы молоды. Признайтесь мне сейчас, и мы сможем получить некоторую свободу маневра, когда будем вести дело с окружным прокурором.

Иннис чувствовал, как сила, исходящая из глаз детектива, пытается что-то вытянуть из него. Воздух буквально гудел от желания Суайсгуда услышать признание, и Уилл внезапно осознал, почему люди дают ложные показания, оговаривая себя. Они готовы на что угодно, лишь бы этот гул прекратился!

– Но когда я найду труп, Уилл, для вас все будет кончено, – продолжал сидящий перед ним человек. – Вашей жизни крапты. Возможно, вас привяжут к столу для проведения казней во Флоренсе и воткнут иглу в вену. Надеюсь, вы закопали свою жену достаточно глубоко, потому что иначе койоты найдут ее. Учуют запах разложения. Выроют ее. И кто-нибудь наткнется на кости, и тогда все будет кончено. Но мне не нужен труп. Знаете, почему? Потому что все знают, что она мертва. Хотите маленький секрет, касающийся судей? И присяжных? Они хотят, чтобы все завершилось быстро. Чтобы зло было наказано. Чтобы все узелки были развязаны. Чтобы подобные вам люди попали в тюрьму, сгинули с глаз долой и судьям с присяжными не пришлось бы думать о преступности нравов, пока они укладывают спать своих малышей. Хотите испытать, каковы ваши шансы на суде? Хотите стоять там в день вынесения приговора, с трясущимися коленями, в то время как ваша жизнь и судьба вашей дочери окажутся в руках двенадцати чужаков, которые отвергнут любые сомнения, лишь бы поскорее закончить дело? Вы готовы к этому, Уилл?

Иннис встал, дрожа от ярости. Он не знал, жива или мертва его супруга, но этот человек обвинял его в ее убийстве.

– Я не убивал свою жену и не знаю, с чего вы это взяли. Вы выдвигаете против меня обвинение, Тедди?

– Где вы зарыли ее?

– Вы выдвигаете против меня обвинение?

Суайсгуд откашлялся.

– Я свяжусь с окружным прокурором сразу же...

– Тогда мне здесь нечего больше делать, – перебил его адвокат. – Я могу идти?

– Пока что – да, – неохотно ответил детектив, пожевав нижнюю губу.

– Тогда немедленно отвезите меня домой. Я не хочу, чтобы моя дочь проснулась и увидела, что меня нет.

Тедди остановил запись. Вставая, он задел стол, и пластиковый стаканчик опрокинулся. Кофе пролился на стол и тонкой темной струйкой потек на пол.

– Просыпайся, Деви, – прошептал Уилл на ухо дочери. Она шевельнулась и отвернулась к стене. Отец взял ее за плечи и усадил, оперев спиной на подушку. В голубоватом свете ночника было видно, как она медленно открывает глаза и обводит сонным взглядом комнату. Потом девочка посмотрела на отца:

– А где мама?

– Ее здесь нет, солнышко. Теперь послушай, это важно. Тебе сейчас нужно одеться.

– Но еще ведь не утро!

– Знаю. Мы отправляемся в особенное путешествие.

– Куда?

– Не спрашивай больше ни о чем.

Уилл помог дочери одеться и сказал:

– Я понесу тебя. Помни, что нужно вести себя очень тихо. Ни звука.

Он поднял ее на руки, подошел к двери спальни и осторожно потянул за ручку. В коридоре было темно и тихо. Иннис прокрался к выходу, слыша, как в гостевой комнате похрапывает мать Рейчел.

Свояченица Элиза спала на диване в комнате для отдыха. Скрип открывшейся парадной двери заставил ее шевельнуться, но не разбудил.

Три часа ночи – один из немногих приятных часов в Ахо в летнее время: он приносит мимолетную прохладу, словно глоток передышки от дневной жары. Багажник «БМВ» уже был заполнен чемоданами. Уилл усадил Девлин на переднее сиденье и пристегнул ремнем, а потом сел за руль и поставил передачу на нейтральную. Машина беззвучно покатила по подъездной дорожке, и лишь у самого выезда адвокат вставил ключ в замок зажигания.

– Куда мы едем, папа?

Мужчина оглянулся на дочь и потряс головой, не в силах поверить в то, что всего лишь за одни сутки все так перевернулось. Так быстро, словно по велению несчастливого расположения звезд, вся их жизнь рухнула. «Ты не умрешь в одиночестве».

– Я пока не знаю, – ответил Уилл и повернул ключ, а потом переключил передачу и медленно, не зажигая фар, повел машину через пригород.

Шоссе к северу от Ахо было пустынным и сияло в лунном свете. Кроме своего бумажника и чемодана с одеждой, Уилл взял только одно – рубашку Рейчел с эмблемой колледжа.

Они больше никогда не увидят свой дом.

Рейчел пришла в себя два дня спустя. Она лежала на тонком твердом матрасе. Сев, женщина обвела взглядом крошечную комнату, размером чуть больше шкафа-купе, освещенную единственной лампочкой без абажура, которая свисала с потолка.

В голове у нее стучало, во рту пересохло, но Рейчел снова чувствовала себя в состоянии говорить и двигаться. Стены и пол были обиты толстым слоем желтого пористого материала. В углу она заметила пять больших бутылей с водой, а рядом с ними – ящик, заполненный пакетами картофельных чипсов, яблоками, шоколадными батончиками и пачками крекеров. За звукоизоляционными стенами слышалось негромкое гудение.

Миссис Иннис встала. Удержать равновесие было трудно, словно пол под ее ногами смещался. Она снова посмотрела на стены с мягкой обивкой и подумала: «Меня поместили в сумасшедший дом. И это похищение, и монтировка в стекло мне просто почудились. Я сошла с ума».

Рейчел схватила бутылку с водой и отнесла ее к матрасу, после чего села и сделала большой глоток, гадая, наблюдает ли кто-нибудь за ней сейчас.

«Но если я в психиатрической больнице, почему я по-прежнему одета в этот черный костюм?»

Снаружи неожиданно донесся звук, напоминающий рев клаксона. Потом он повторился, и когда пленница задумалась об этом, то поняла, что он как-то связан с этим постоянным гудением, нервирующим ее, и с тем, что комната словно бы движется куда-то. Женщина посмотрела на потолок. Там не было звукоизоляционной обивки – только блестящий металл. И размеры комнаты внезапно обрели смысл, как и слабое покачивание, и гудение, и эти трубные звуки время от времени. «Это не психиатрическая лечебница. Я в прицепе большегрузной фуры», – поняла Рейчел.

Она заплакала, содрогаясь в рыданиях.

Часть II

Призрачное присутствие

Человек, которого теперь звали Джо Фостер, вел старый пикап «Шевроле» вниз по склону холма к городу. Шла середина октября, небо над Колорадо было густо-синим, на пиках гор Ла-Плата на высоте более двенадцати тысяч футов сияли недавно выпавшие снега, а в предгорьях золотом мерцали тополя и осины. В пяти милях к западу в послеполуденном свете колыхались очертания столовой горы Меса-Верде. Мужчина видел отблески солнца на корпусах и стеклах машин, которые ползли на юг по шоссе, пересекавшему национальный парк.

Он въехал в городок Манкос, припарковал свой пикап у края тротуара и выключил двигатель. Было без нескольких минут три часа дня, и в машине было так тихо, что человек слышал, как шелестит над крышей листва. Золотистый осиновый лист упал на лобовое стекло, зацепился за дворник и трепетал несколько мгновений, прежде чем ветер прижал его к стеклу, а потом снова взметнул в воздух.

«Ей понравился бы этот городок», – подумал мужчина.

Он заметил дочь в толпе учеников – она спускалась по каменным ступеням школьного здания. Девочка шла в компании двух подруг, и рюкзак висел у нее на одном плече. Она явно не замечала этого, увлеченная разговором. Сойдя с тротуара на траву, школьницы встали плотным кружком. «Строят планы, – предположил мужчина. – Обещают позвонить друг другу. Делятся глупыми сплетнями».

Он наблюдал за дочерью сквозь покрытое трещинами лобовое стекло – так он мог бы смотреть на нее весь день. По правде говоря, Джо не ожидал, что она доживет до шестнадцати лет. В течение долгого времени Фостер готовил себя к худшему исходу и даже планировал покончить с собой, когда ее не станет. Но потом что-то случилось – или, точнее, не случилось. Она не умерла. Она болела несколько раз в год, дважды болезнь едва не стала роковой – но девочка упрямо возвращалась с опасной черты. Сочетание лекарств и физиотерапии грудного отдела работало, и каждый день, когда она не чувствовала себя больной, воспринимался мужчиной как отсрочка приговора, как приостановка казни.

Сейчас его дочь шла по направлению к пикапу, но когда Джо уже сунул ключ в замок зажигания, какая-то женщина остановила ее.

Он выпрямился. Девочка стояла у края тротуара, беседуя с высокой женщиной в темно-синей юбке и белой блузке. Такой же темно-синий жакет был переброшен через руку незнакомки. Вот девочка покачала головой. Фостер не слышал, о чем они говорили. Он протянул было руку, чтобы открыть дверцу, но дочь уже быстро шла по тротуару, отделившись от собеседницы, а женщина шагала в другую сторону. Девочка потянула на себя скрипучую дверцу и забралась в «Шевроле».

– Привет, малышка. – Она теперь тоже носила другое имя, но Джо избегал произносить его, называя ее «малышкой» или «солнышком» – или вообще никак.

– Привет, папа.

– Кто эта женщина, с которой ты сейчас говорила?

– Она не сказала.

– Что ей было нужно?

– Она спросила мое имя, узнавала, далеко ли отсюда я живу.

Мужчина включил мотор, и пикап начал постукивать и вибрировать.

– Зачем ей это понадобилось? – нахмурился он.

– Понятия не имею. Я как-то отцепилась от нее, сказала, что мне надо идти. Думаешь, она коп?

– Не знаю.

– Можно я поведу машину до дома?

– Не сегодня, солнышко. – Джо переключил передачу и вывел машину на проезжую часть, а потом медленно проехал мимо школы, высматривая женщину, которая расспрашивала его дочь. – Какого цвета волосы у нее были?

– Темно-каштановые. Она красивая.

Теперь из школы толпой выходили старшеклассники, и среди их высоких фигур было трудно заметить ту женщину.

– Что не так, папа? – спросила юная пассажирка.

Там не было женщины. Только школьники.

– Ты же знаешь, нам нужно быть очень осторожными, – напомнил мужчина дочери.

– Нам снова придется уезжать?

– Пока не знаю, милая. По крайней мере, не сегодня.

Фостер покрутил руль, разворачивая машину в обратном направлении, и поехал за город, вверх по холмам, к дому.

Ферма стояла в роще голубых елей в полутора милях к югу от городка. На задворках дома начиналось маленькое пастбище, а восточную границу принадлежащих этой ферме земель очерчивала река Манкос. Во время весеннего разлива в доме был слышен ее рев.

Уже полностью стемнело. Через открытые окна в дом вливался вечерний воздух – он нес запах увядающих листьев, кислых яблок и навоза с ближайшей фермы.

Девочка достала из шкафа подушки, а мужчина включил DVD-проигрыватель. В прошлый раз они не досмотрели «Головокружение»^[3]. Фильмы помогали девочке переносить терапевтические процедуры, и отец с дочерью просмотрели уже больше тридцати картин Хичкока. Мужчина сел рядом с девочкой, а она наклонилась вперед, навалилась на подушку и смотрела, как Джимми Стюарт целует Ким Новак в номере отеля, озаренном зловещим зеленым светом.

Ладонями, сложенными «чашечкой», мужчина равномерно колотил по спине дочки. Через пять минут он велел ей откашляться, а потом она сменила положение тела, улегшись на бок.

Вскоре после того, как родилась дочь, они с женой стали называть ее «соленой деткой», поскольку, когда бы они ни целовали ее в лобик, тот был соленым на вкус. Как-то раз мать упомянула об этом при педиатре, и он сразу же выписал направление на анализ пота – и анализ оказался положительным. Молодые родители и понятия не имели, что чрезмерно соленый пот – главный признак муковисцидоза.

Диагноз был поставлен девочке в возрасте двух лет, и каждый день в течение прошедших четырнадцати лет мужчина проводил с ней физиотерапию грудного отдела. Эта терапия разжижала слизь в ее легких, облегчала дыхание и помогала предотвращать инфекционные болезни. Давным-давно эти процедуры стали обычной частью их дневного распорядка – как чистка зубов перед сном.

По окончании терапии девочка села за кухонный стол – решать домашнее задание по геометрии, а ее отец вышел наружу. Сегодня грузовичок особенно сильно шумел и грелся, и мужчина решил, что надо заменить масло – впрочем, это следовало сделать давно. Он залез под машину и лег на спину, пытаясь открутить пробку маслосливного отверстия. Иногда на проселочной дороге неподалеку слышался шум проезжающего автомобиля, но помимо этого тишина была полной.

Холодало, и над предгорьями поднималась луна. Время от времени случайный ветерок колыхал еловые лапы. От молочной фермы, расположенной ниже по склону, доносилось мычание коров и звяканье их бубенцов.

Наконец Фостер отвинтил крышку и начал сливать грязное масло в подставленный ковш. От темной струи пахло гарью.

Проехала еще одна машина – вот уже третья за последние десять минут. Оживленный вечер.

Автомобиль притормозил и остановился в конце подъездной дороги. Это была городская машина, возможно взятая напрокат, но отнюдь не огромный и шумный пожиратель бензина из тех, на которых ездило большинство соседей Джо.

Снова зашуршали шины. «Что за черт?» Фостер выбрался из-под грузовичка и поднялся на ноги, прикрывая глаза от света фар чужой машины. Она ехала по отсыпанной гравием

дороге прямо на него.

Машина остановилась рядом с «Шевроле», двигатель ее умолк, а фары погасли. Несколько мгновений мужчина не видел ничего, ослепленный ярким светом. Дверца отворилась. Потом захлопнулась. Шаги по гравию – кто-то направлялся к нему. «Ну, вот я и влип, – думал Фостер. – Следовало уехать сегодня вечером. Собрать чемоданы и удирать куда подальше». Он сделал шаг назад, ожидая, пока глаза заново привыкнут к темноте.

– Вы ослепили меня фарами, – сказал он незнакомцу, – и теперь я почти ничего не вижу. Кто здесь?

Шаги остановились. Теперь Джо видел силуэт гостя – точнее, гостьи, осознал он, когда свет лампы над крыльцом упал на ее лицо.

Это была та самая женщина, которая подошла к его дочери возле школы.

– Извините, что ослепила вас, – произнесла она. – Я проехала мимо вашего почтового ящика раза три, прежде чем заметила его.

– Кто вы?

Незнакомка протянула ему руку и представилась:

– Кейлин Шарп.

Она была одного роста с Фостером, возможно, на несколько лет моложе его; у нее были прямые каштановые волосы и высокие скулы. В слабом свете Джо не мог разобрать, какого цвета у нее глаза. И он не подал ей руки в ответ.

– Что вам нужно? – спросил он резко.

– Вы Уильям Иннис?

Обжигающий прилив адреналина.

– Нет.

– Что ж, у меня в сумке лежит фотография мистера Инниса. Вы с ним, должно быть, близнецы.

– Уходите.

Фостер повернулся спиной к женщине и направился к дому.

– Мистер Иннис! – позвала она вслед. – Прощу вас, послушайте!

Он вошел в дом, и дверь за ним захлопнулась.

– Кто там приехал? – спросила его дочь.

– Иди в свою комнату и доделывай уроки.

Девочка расслышала в его голосе нечто такое, что не давало возможности перечить, без единого слова собрала тетрадь и учебник и пошла по коридору в свою комнату. Деревянные половицы поскрипывали под ее ногами.

А мужчина теперь стоял у кухонной раковины, пытаясь оттереть с рук масло и машинную смазку при помощи горячей воды и мыла. Он лихорадочно соображал, что ему делать теперь – что им с дочерью следует бросить здесь, а что взять с собой. Когда он направился к окну, чтобы посмотреть, не уехала ли чужая машина, в дверь постучали.

Джо подошел и через стекло и проволочную сетку внешней рамы посмотрел на женщину, стоящую на крыльце.

– Здесь, в захолустье, когда кто-то говорит тебе убираться из его владений, – сказал он, – как правило, умнее будет...

Незваная гостья поднесла к сетке что-то прямоугольное, и когда хозяин дома увидел это, в желудке у него заворочался холодный ком.

Удостоверение агента ФБР. Колени Инниса предательски задрожали и едва не

подкосились.

«На что ты готов ради того, чтобы остаться со своей дочерью?»

– Спокойно, – произнесла женщина. – Если б я приехала вас арестовать, вы уже были бы в наручниках.

– Тогда что вам нужно?

– Я верю, что вы невиновны, мистер Иннис.

Ее слова застали его врасплох.

– И почему? – похолодевшими губами выговорил бывший адвокат.

– Потому что ваша жена, Рейчел... она не была первой. Или последней.

Наполняя чайник водой из-под крана, Уилл оглядывался через плечо на агента ФБР, сидящую у кухонного стола.

– Как вы нас нашли? – спросил он тихо.

– Я полтора года отслеживала ваши фальшивые имена. Каким вы пользуетесь сейчас?

– Джо Фостер.

Чайник был полон почти до краев. Иннис поставил его на плиту, зажег газ и уселся за стол напротив Кейлин. Женщина повесила свой пиджак на спинку одного из стульев, а портфель поставила прямо на дощатый пол.

– Из какого вы отделения? – спросил Уилл.

– Из того, что расположено в Финиксе. Меня ужасно интересует – почему вы пустились в бега?

– У моей дочери муковисцидоз. Мне пришлось исходить из предположения, что ее мать мертва. А этот детектив из Ахо сразу с порога начал меня прессовать. Я понял, что у меня есть немалые шансы загреметь за решетку. Я не знаю, что вам известно о муковисцидозе, но это неизлечимая болезнь. Большинство тех, кто ею болен, не доживают до тридцати лет. Я не мог допустить, чтобы моя дочь умерла в одиночестве, не имея возможности в последние минуты увидеть ни мать, ни отца.

– Но ведь сейчас с нею всё в порядке?

– В последние три года ее состояние остается относительно хорошим. Но это не означает, что оно не ухудшится снова.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Веб-дизайном. Я работаю удаленно, из дома.

– Должно быть, вам трудно, если учесть, какого все мнения о вас и о том, что вы совершили.

– Послушайте, мы сейчас ведем совершенно новую жизнь, и она нас устраивает. Я знаю, что именно делал в ту ночь, когда пропала моя жена. Моя совесть чиста.

– Вам не следовало бежать.

– Если вы здесь не затем, чтобы меня арестовать, то что вам нужно?

Кейлин протянула руку к своему портфелю и подняла его с пола, а потом неспешно открыла его и вытянула папку в картонном переплете. Из папки она достала карту и подала ее Уиллу. Карта изображала Нью-Мексико, Аризону и Южную Калифорнию, и на ней в четырех регионах Юго-Запада виднелись пометки – красные крестики.

– Что это? – спросил Иннис.

Шарп придвинула свой стул поближе к нему и положила на стол фотографию. На ней радостно улыбалась женщина в зеркальных солнечных очках и длинном свитере, а за ее спиной по заснеженным склонам скользили лыжники в ярких костюмах.

– Сьюзан Тирпак. Пропала в июле двухтысячного года между Гэллапом и Альбукерке, – сказала гостя, после чего уронила на стол еще одно фото и указала на красный крестик у южной границы Аризоны. – Джил Диллон, исчезла в августе две тысячи первого вблизи Ногалеса.

Третья фотография. На Уилла смотрела его жена – он не мог не узнать эту прекрасную и озорную улыбку. Он помнил, как фотографировал Рейчел у южного края Гранд-Каньона.

– Рейчел Иннис. Пропала в национальном парке «Органый кактус» в июле две тысячи второго года. И вот последняя. – Кейлин осторожно положила последнее фото рядом со снимком Рейчел. – Люси Даль. Исчезла в августе две тысячи четвертого года на федеральной трассе между Эль-Пасо и Тусоном.

Странное молчание воцарилось в доме. Над крыльцом то и дело позвякивали «ветровые колокольчики». Уиллу казалось, что в кухне находятся не только они с Кейлин. Рядом с ними незримо присутствовали призраки. Он посмотрел на фотографии, лежащие бок о бок, и ощутил, как по телу пробегает холодная дрожь.

– О боже... – произнес он.

– Вы это заметили? – спросила агент.

– Эти женщины могли бы быть сестрами.

– Именно. Темные глаза, кудрявые черные волосы...

– Это совпадение?

– Не знаю. Но я покажу вам то, что никак не может быть совпадением.

Шарп добыла из папки еще четыре фотографии и разложила их на столе. «Лексус», «Хонда Сивик», «Форд Эксплорер» и джип «Гранд Чероки» Рейчел. На всех снимках боковое стекло со стороны водителя было выбито.

– Здесь этого не видно, но правое переднее колесо у каждой из этих машин проколото, – рассказала гостя.

– Значит, все это вроде как...

– Похищение по предварительно составленному плану. Да.

– Кого-нибудь из этих женщин нашли?

Кейлин покачала головой и кивнула в сторону плиты:

– У вас чайник закипел.

Уилл поднялся из-за стола и достал из шкафчика две кружки.

– Есть мятный чай, зеленый и «Эрл Грей», – предложил он новой знакомой.

– Мятный, пожалуйста.

Иннис бросил в кружки по чайному пакетику и медленно залил их кипятком.

– Кажется, я знаю, кто похитил этих женщин, – обронила Кейлин.

Хозяин дома поставил чайник обратно на плиту и выключил газ. Руки у него дрожали. Глядя в пол, он сделал глубокий вдох и уточнил:

– Кажется? Или все-таки знаете?

– Уверена процентов на восемьдесят. Позвольте, я кое о чем вас спрошу. Вы были адвокатом. Вы хотя бы примерно знакомы с тем, как действуют картели?

– Конечно.

– А слышали вы когда-нибудь об «Альфе»?

Уилл поставил кружки с чаем на стол и уселся на прежнее место.

– Нет. Что это?

– Когда-то это было десантное и разведывательное подразделение государственной службы по борьбе с наркотиками – в то время оно именовалось Специальной группой воздушно-десантных войск. Это были солдаты-мексиканцы, но все они прошли обучение в «Школе Америк». В тысяча девятьсот девяносто первом году большая группа этих элитных вояк дезертировала и начала работать на наркоторговцев. Полагаю, им предложили слишком выгодные условия по сравнению с прежним местом службы. Сегодня они известны как «Альфа», банда высокооплачиваемых наемников, которые в основном занимаются охраной

грузов, контрабандно поставляемых в Америку картелем Гольфо: кокаин, героин, марихуана... Никто не знает, сколько их, но, по приблизительным подсчетам, от ста до двухсот человек. Они великолепно обучены и действуют скорее как командос, чем как заурядные убийцы из картеля, и отличаются непоколебимой верностью. Их почерк ни с чем не спутаешь: самое лучшее оружие, тактика скрытности, которой могла бы гордиться любая армия, тщательная проработка операций. И они чрезвычайно жестоки. За убийство любого офицера из правоохранительных органов США у них полагается награда в пятьдесят тысяч долларов. У меня есть связные и поставщики информации в каждом приграничном городе Юго-Запада, и я узнала, что кое-кто из «альфовцев» замешан в торговле людьми. Поверьте, сведения о них почти невозможно получить. Мой информатор в Ногалесе не осмелился даже произнести имя этого типа вслух. Он настоял на том, чтобы записать его на бумаге. И даже этого он не сделал бы, не будь наркоманом, которому постоянно нужны деньги. Я купила это имя за две тысячи.

– И что это за имя?

– Хавьер Эстрада. Вам оно известно?

Уилл покачал головой.

– Вы уверены? – переспросила его собеседниц. – Вам не пришлось представлять этого типа в суде или...

– Нет. У вас есть его фотография?

Теперь уже Кейлин покачала головой.

– И что навело вас на мысль, будто «альфовцы» причастны к этому делу? – спросил Иннис.

– Пара вещей. – Шарп отпила глоток чая. – Во-первых, меня всегда настораживало то, как выглядело место преступления. Ни единого следа крови и, помимо выбитого стекла, ни малейших признаков насилия. К тому же тела так и не были обнаружены. Это меня неизменно тревожило. Если эти женщины просто были убиты и где-то захоронены, то хотя бы один труп уже должен был быть найден, как вы считаете? Серийные убийцы обычно желают, чтобы их жертв обнаружили, но эти женщины словно в воздухе растворились.

Уилл откинулся на спинку стула и подул на чай в кружке, отчего по поверхности жидкости пробежала рябь.

– Почему вы так уверены, что это сделал именно тот человек, Хавьер? – Ему не нравилось то, как это имя перекачивается у него на языке.

– Мой информатор когда-то перевозил наркотики для картеля Гольфо. Несколько раз ему случалось работать с мистером Эстрадой. И однажды за бутылкой мескаля^[4] Хавьер рассказал ему о похищении женщины на шоссе ай-сорок, между Гэллапом и Альбукерке.

– Сьюзан Тирпак.

– Верно.

– Почему же он до сих пор не арестован?

– Это несколько сложнее сделать, чем сказать.

Сделав глоток чая, Уилл заметил:

– Вам что-то от меня нужно.

Кейлин кивнула.

– Вы сказали, что вам незнакомо его имя, и я вам верю. Но, быть может, если вы увидите его, то сможете что-нибудь припомнить... Мне нужно, чтобы вы поехали в Финикс со мной на опознание, когда мы его найдем.

– А как насчет обвинений, выдвинутых против меня? – спросил Иннис. – Они ведь еще не сняты.

– Я работаю над этим. Официально никакого разговора между нами не было, и я сюда не приезжала.

– Почему?

– Не все в отделении в Финиксе настолько рвутся тратить деньги и силы на эти исчезновения. Есть более насущные дела, а поскольку данный вопрос не связан напрямую с контрабандой наркотиков, он отнюдь не первый в списке приоритетов.

– Вы связывались с родными других женщин?

– Муж Тирпак покончил с собой три года назад. Муж Диллон не захотел разговаривать со мной; у него новая жена, маленький ребенок от нее, и он не желает вспоминать о том, что было когда-то.

– Я могу его понять.

Кейлин собрала фотографии и карту и снова сложила их в папку, которую сунула в портфель. Потом встала.

– И когда это будет? – спросил Уилл.

– Я надеялась, что мы сможем отправиться туда утром.

– Завтра? Это быстрее, чем...

– Вы всё еще в бегах. Кто поручится, что вы не скроетесь сразу же после того, как я уеду?

– Я думал, вы мне верите.

– Я верю вам. Но не уверена, что готова ради этого рискнуть своей карьерой. И кроме того, неужели вы предпочли бы сидеть и ждать неведомо чего?

– Мне придется взять с собой дочь.

– Отлично.

– У меня есть только тот пикап, что стоит у дома, и он вряд ли выдержит поездку до Финикса и обратно.

– Вы можете поехать со мной. Я остановилась в отеле «Меса-Верде». В семь часов утра я могу вас подобрать рядом с этим отелем.

– Мы будем там, – заверил агента Уилл, поднимаясь из-за стола.

Шарп взяла портфель и протянула руку, и на этот раз Иннис принял ее рукопожатие.

– Вам все еще больно, – отметила женщина.

– Да.

– Каждый день прочесываете Интернет в поисках новостей, не так ли? Анонимно звоните в полицейские участки по всему Юго-Западу, чтобы узнать, не найдено ли неопознанных тел?

– Я просто хочу знать, что с ней случилось и как это случилось. Мне плохо оттого, что я не знаю, где она погребена. Я знаю, что это глупо. Это не должно иметь никакого значения – и все же это так. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Что-то во взгляде Кейлин подсказывало мужчине – она понимает.

– Рада была познакомиться с вами, Уильям Иннис.

– Называйте меня Уилл.

Он проводил ее до машины, а когда она уехала, некоторое время стоял в темноте на подъездной дорожке, вдыхая холодный осенний воздух. А потом снова заполз под грузовичок, чтобы закончить замену масла.

Уилл постучал в дверь.

– Да? – крикнула дочь. Он вошел и увидел, что она лежит на кровати, прижимая к груди трубку радиотелефона, и смотрит на него снизу вверх.

– Что случилось? – прошептала девочка.

– Мне нужно поговорить с тобой. Это срочно.

– Насчет той женщины? – почти беззвучно уточнила Девлин. Ее отец кивнул.

Девочка поднесла телефонную трубку к уху и сказала:

– Кристи, мне надо идти. Ладно. Хорошо. Расскажешь потом, что он сказал. Пока.

Уилл отодвинул стул от письменного стола и сел.

– Кто эта женщина? – спросила его дочь.

– Ее зовут Кейлин Шарп, она агент ФБР.

Девочка резко села.

– Они забирают тебя, папа?

– Нет, солнышко, нет. Она верит мне.

– Это как-то относится к маме?

– Кажется, эта женщина знает, кто убил твою мать.

Дочь судорожно вздохнула.

– Кто?

– Тот человек... впрочем, это не так важно. Она думает, что, возможно, я видел его раньше, когда мы жили в Ахо, и хочет, чтобы я помог опознать его. Поэтому утром мы поедем в Финикс, а там нас подберет мисс Шарп. Всё в порядке, милая.

Девлин отвернулась к стене и всхлипнула, уткнувшись лицом в подушку. Уилл поднялся со стула и сел на кровать рядом с дочерью, прижал ее к себе и стал осторожно гладить по волосам.

Через пару минут она повернулась, села и вытерла глаза. На ее покрасневших щеках виднелись потеки от слез.

– Эта женщина из ФБР действительно верит, что ты ничего не сделал с мамой?

– Да, – подтвердил Иннис. – Она знает, что я не виноват.

Девочка еще раз всхлипнула и утерла нос.

– Я хочу кое о чем спросить тебя, – продолжил Уилл, – и ты можешь сказать мне чистую правду; я не рассержусь, что бы ты ни ответила.

– О чем?

– Ты... ты когда-нибудь думала, что я как-то причастен к тому, что случилось с твоей мамой?

Дочь смотрела на постер, наклеенный на потолок, на две лавовые лампы, мерцающие на столе, на одежду, раскиданную по полу... Потом убрала завитки черных волос, прилипшие к мокрому от слез щекам, и, наконец, посмотрела в глаза отцу.

– Если б я сказала, что никогда такого не думала, это было бы враньем.

Мужчина кивнул, подавляя эмоции, поднявшиеся в его душе от этого ответа. Больше всего ему было оттого, что он понимал, в каком страхе жила его дочь. Ведь все это время она гадала: неужели ее отец – монстр, повинный в смерти ее матери?

– Все хорошо, – промолвил он. – Я понимаю.

– Да нет, я просто временами задумывалась о таком. Не то чтобы я считала, будто ты действительно это сделал. Да и задумывалась я ненадолго.

– Малышка, посмотри на меня, – попросил Иннис. В его глазах стояли слезы. – Не уверен, говорил ли я тебе об этом, но скажу сейчас. Я не убивал твою мать. И свою жену.

– Я знаю, папа.

– Я любил ее. И если б мне сказали, что нужно сделать, чтобы вернуть ее, я сделал бы это, не задумываясь ни на секунду.

– Я тебе верю.

Отец с дочерью обнялись. Потом, разомкнув объятия, девочка спросила:

– А есть шанс, что мама жива?

– Думаю, шансов почти нет, солнышко.

– Но ведь все-таки все возможно, верно?

– Прошло пять лет. Я не хочу, чтобы ты надеялась – и надеялась напрасно.

Зазвонил телефон. Дочь взяла трубку и посмотрела на высветившийся номер абонента.

– Мне нужно ответить, папа.

Уилл хмыкнул в ответ на это и сказал:

– Я люблю тебя, Деви.

– Папа, – прошептала девочка, – ты назвал меня прежним именем.

– Знаю. Теперь это можно.

Иннис поднялся и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. За его спиной Девлин произнесла в трубку:

– Алло, Лиза, привет, что у тебя случилось?

Мужчина прошел по дому, закрывая окна. К утру ожидалось сильные заморозки.

От одной только возможности того, что это вечное бегство закончится и они смогут вернуться к некоему подобию прежней жизни, бывшего адвоката пробирала дрожь. Он не видел своих родителей и сестру, не видел никого из давних друзей с тех пор, как они с Девлин бежали из Аризоны. Должно быть, это исчезновение причинило боль родным и близким Иннисов, и от понимания этого Уиллу было неизменно горько. Каждый день он просматривал блоги своих друзей, страницы в «Фейсбуке» и «МайСпейсе», «гуглил» свое имя и имя Девлин, чтобы проверить – быть может, кто-то по-прежнему ищет их, упоминает о них, все еще помнит и скучает...

И он отчаянно тосковал по своей работе, по своей настоящей работе – адвокатской практике. Ему не хватало выступлений в зале суда, опроса свидетелей и присяжных заседателей на предварительных слушаниях, беспокойной атмосферы, царящей в день вынесения приговора.

Уилл по-прежнему желал вернуть себе остатки прежней жизни – хотя и понимал, что Рейчел этим не возвратит. Быть может, поездка в Финикс вместе с Кейлин станет первым шагом на этом пути.

Он сел к кухонному столу и пригубил остывший зеленый чай из своей кружки. Его по-прежнему одолевали беспокойные мысли. Завтра он увидит человека, который отнял у него Рейчел. Это тревожило, но куда сильнее тревоги было страстное желание, чтобы все поскорее осталось позади. Быть может, тогда им с Девлин удастся хоть немного пожить спокойно.

Днем, в половине третьего, после семичасового пути от предгорий юго-западного Колорадо, Кейлин Шарп припарковала свой «Бьюик Регал» возле переполненного мусорного контейнера и выключила двигатель. Они вышли под жаркое октябрьское солнце, пересекли парковку и остановились у почтовых ящиков – Кейлин нужно было проверить свою корреспонденцию.

Четыре здания из шлакоблоков со всех сторон ограничивали грязный дворик. В каждом доме Девлин насчитала восемь квартир – четыре на первом этаже, четыре на втором.

Поблизости виднелись сломанные ржавые качели. В песочнице без песка валялся сдутый футбольный мяч, а рядом с ним – один роликовый конек. Непрерывно дребезжали кондиционеры на окнах, от федерального шоссе неподалеку доносился шум машин – в общем, похоже, обитатели этого унылого двора никогда не ведали тишины и покоя.

Мисс Шарп и Девлин с отцом вошли в здание, расположенное с северной стороны двора, и начали подниматься по лестнице.

Над крышей дома послышался рев реактивного самолета, заходящего на посадку в международный аэропорт Финикс Скай-Харбор.

Одолев четырнадцать металлических ступеней, они вошли в открытую галерею второго этажа, где Кейлин остановилась у третьей двери. Очевидно, от нее когда-то отвалились бронзовые цифры или их кто-то свинтил, поскольку номер квартиры – 22 – был написан красным несмываемым маркером над дверным глазком.

Мисс Шарп отперла замок и пропустила своих спутников внутрь. Едва ступив в прихожую, Девлин поняла, что квартира практически нежилая. Маленькая гостиная, еще более маленькая кухня, белые стены отчаянно нуждаются в покраске... Узкий коридорчик ведет в единственную спальню.

Температура в квартире, похоже, превышала девяносто градусов^[5].

– Извините, что тут так жарко, – произнесла Кейлин. – У меня недели две назад сломался кондиционер, а меня не было дома, и заменить его я не успела.

Повсюду были разбросаны бумаги: газеты, распечатки, какие-то заметки – они лежали на кофейном столике и на диване, а также стопками громоздились на полу. В одной только гостиной Девлин насчитала три пробковые доски. К одной были пришпилены фотографии – похоже, с мест преступлений, – а на другой была изображена организационная схема картеля Гольфо, к которой прилагалась карта дорог США, где некоторые шоссе и федеральные трассы были выделены маркерами.

– Простите за беспорядок. Как видите, я изрядный трудоголик, – вздохнула хозяйка квартиры.

Девлин чувствовала, как по спине у нее ползут струйки пота. Кейлин достала из холодильника три бутылки диетической колы, и все трое уселись на диван, обмахиваясь сложенными газетами и отхлебывая холодный напиток.

– Значит, план таков, – начала Шарп. – Девлин оставим здесь, а мы с вами, Уилл, поедem туда, где живет мистер Эстрада, и посмотрим, сможете ли вы опознать его.

– Я полагал, что еду опознавать арестованного. Именно так вы...

– Нет, вам придется сделать это в так называемых полевых условиях. Не волнуйтесь. Вы же будете там вместе со мной, и все пройдет как надо.

– Но я думал, вы уже...

– Понимаете, мы не сможем арестовать его, если вы его не опознаете.

Девлин посмотрела на отца.

– Безопасно ли оставлять мою дочь здесь? – спросил тот.

– С ней все будет в порядке, – заверила его агент. – Она может посмотреть телевизор. У меня нет кабельного телевидения, но он ловит широкоэмитательные каналы.

Меньше всего Девлин хотелось сидеть в этой жаркой, отвратительной квартирке до самого вечера.

– Я хочу поехать с вами, – заявила она.

– Ты слышала, что сказала мисс Шарп.

– Папа!

Уилл поднялся.

– Выйдем наружу, Дев. – Он оглянулся на Кейлин. – Мне нужно поговорить с дочерью наедине.

Девлин вышла следом за ним из квартиры, прикрыв за собой дверь. Они встали у перил галереи, глядя на замусоренный дворик.

– Послушай меня, – прошептал отец, – я знаю, что ты не хочешь оставаться здесь, и не виню тебя за это. Но дело в том, что я пока не до конца понимаю, что происходит. У меня такое чувство, будто она во что-то нас втянула. Если что-нибудь тебя напугает, если что-нибудь случится в наше отсутствие, позвони мне по сотовому. Я вернусь и заберу тебя.

– Я хочу домой. Сегодня у Лизы вечеринка с ночевкой, а я ее пропущу.

– Знаю, малышка. Я сделаю все, что требуется, а потом мы уедем отсюда. Если понадобится, мы вернемся в Колорадо самолетом.

– Обещаешь?

– Обещаю. Ты сегодня заслужила немалую награду.

– Ты свозишь меня на шопинг в Дуранго?

– Да.

– И я смогу купить себе все, что захочу?

– Хорошо.

– На триста долларов.

– На двести пятьдесят.

Девлин улыбнулась.

– Отлично. Я не позволю тебе забыть об этом.

Примерно в пятнадцать минут езды от дома Кейлин свернула на подъездную дорожку к пятиэтажному офисному зданию и въехала на стоянку около входа.

– Он здесь? – спросил Уилл.

– Это периферийное отделение Финикса. Мне надо только заскочить внутрь и кое-что взять.

Мисс Шарп выскользнула из «Бьюика» и взбежала по ступенькам здания.

Вернулась она пять минут спустя – и, запрыгнув в машину, снова вырулила на дорогу. Шоссе, ведущее на Скоттсдейл, тянулось между пальмами.

– И как именно мы собираемся это проверить? – спросил Уилл.

– Буду с вами честна, – отозвалась женщина. – Я не в восторге от того, что приходится действовать так.

Иннис нервно хмыкнул.

– Мы оба не в восторге.

– Для начала нам нужно проверить, дома ли он. Если дома, то я арестую его и приведу к машине. Вы жестами покажете, узнали ли его: если да, то большой палец вверх, если нет – вниз.

– А если я его не знаю?

– Это именно тот человек, – сказала агент ФБР.

– Но что, если я не смогу...

– Могу ли я доверить вам кое-что?

– Полагаю, да.

Они проезжали мимо торговых центров – примерно по десятку на милю.

– Есть некая дилемма, – стала рассказывать мисс Шарп. – Мистер Эстрада в розыске за изрядное число правонарушений, и многие из них доказать проще, чем торговлю людьми. Если вы его не узнаете, мы будем действовать в этом направлении. Быть может, мы сумеем получить ответы на кое-какие вопросы. Если он вам незнаком – что ж, кто-то другой сможет нарыть на него материал. Пограничники, полиция Финикса, управление по борьбе с наркотиками, мексиканские власти... Но тогда мы можем забыть о том, чтобы завести на него дело за то, что он сделал с вашей женой, или вообще узнать, что с ней случилось. Мне такой вариант не нравится: тогда мы вряд ли сможем снять с вас обвинения.

– Именно так это обычно делается?

– Нет.

– Это законно?

Кейлин бросила на своего спутника быстрый взгляд.

– Вы должны кое-что знать об агентах ФБР.

– И что же?

– Мы всегда действуем по правилам.

Теперь они ехали через жилые кварталы, застроенные нелепо огромными и шикарными домами.

– Как вы стали агентом? – спросил Уилл.

– Я подалась в копы сразу после колледжа. Работала в полиции четыре года, потом поступила на юридический факультет, затем – в академию. Типичный путь для агента.

– Вы всегда знали...

– Послушайте, я не могу сейчас вести разговоры на тему «Неужели вы всегда хотели получить эту профессию, когда вырастете?». Я пытаюсь сосредоточиться на том, как арестовать этого типа.

Еще несколько миль они проехали в молчании, а затем Кейлин свернула к коттеджному поселку. На посту охраны она предъявила свой нагрудный знак и удостоверение. Ворота открылись, и машина въехала в один из самых шикарных кварталов, какие Уилл когда-либо видел. Это были участки в шесть или семь тысяч квадратных футов с выстроенными по единому проекту домами и с отдельными автоматическими воротами при въезде на каждую подъездную дорожку, причем выглядели эти дорожки так, словно тут ездили только на «Ягуарах» или «Порше».

Эта «дорога роскоши» тянулась до нижних отрогов бурой горы, где из земли торчали невысокие скалы и пустынные растения. Ландшафтный дизайн участков был изысканным и экзотическим: сотни видов кактусов, юкка, одинокие камни среди травянистых куп...

Примерно в миле от поста охраны агент свернула к обочине.

– Это здесь? – спросил Уилл.

– Следующий дом справа. У вас мобильник с собой?

– Да.

Мисс Шарп достала из сумочки собственный сотовый телефон.

– Дайте мне свой номер.

Она вбила номер Инниса в свой телефон, а затем заглушила мотор и открыла дверцу.

– Подождите, я думал...

Женщина бросила ему ключи и сказала:

– Держите мобильник наготове и пересядьте на водительское место.

– Нет, я хотел узнать, как именно...

Кейлин захлопнула дверь и быстрым шагом пошла вдоль дороги, скрывшись за изгородями. Уилл перелез за руль. Кондиционер выключился вместе с двигателем, и жара в салоне машины быстро стала невыносимой. Мужчина снова вспотел, к тому ж ему было не по себе.

Он обернулся и взглянул через заднее стекло. Дорога завела их на несколько сотен футов в гору, и долина, где располагался город Скоттсдейл, была видна внизу, словно на ладони.

В тридцати милях к востоку над пустыней вздымалась горная цепь, загадочно темнея под вечерним солнцем.

Уилл подумал о Девлин, надеясь, что она найдет чем заняться, чтобы скоротать время.

Зазвонил телефон – его вызывала Кейлин.

– Алло, – произнес бывший адвокат.

– Заводите машину и сворачивайте на подъездную дорожку.

На заднем плане слышался какой-то шум.

– Вы... – начал было Иннис, но мисс Шарп уже оборвала вызов. Уилл сунул ключ в замок зажигания и включил двигатель. Затем тронул «Бьюик» с места на малой скорости, готовясь увидеть человека, который отнял у него Рейчел. Как ни странно, при этом он не испытывал злости – только беспокойство и страх. И желание, чтобы все поскорее закончилось и они с Девлин смогли вернуться в Колорадо.

Когда он свернул на подъездную дорожку, перед ним во всей красе открылось просторное многоэтажное здание – сплошная сталь, стекло и «легкий» кирпич. Оно словно

сошло со страниц журнала о современной архитектуре. Передний двор был засажен целым лесом из сагуаро и органических кактусов. На подъездной дорожке стояли два автомобиля – черный «Лендровер» и серебристый «Лотус».

Уилл припарковался позади спорткара, чувствуя, как вспотели его ладони, лежащие на рулевом колесе. «Где же ты, Кейлин, черт тебя возьми?» С каждой секундой происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Наконец парадная дверь распахнулась. Иннис выдохнул, чувствуя, как кружится голова: «А вот и она!» Но на крыльцо вышел мальчик – темноволосый и темноглазый, с бронзово-смуглой кожей. За ним шла худощавая блондинка, одетая в короткие облегающие шорты и фиолетовый топик с завязками на шее. Лицо у нее покраснело, ноги были босыми, а руки – скованы наручниками за спиной.

Они сошли со ступенек и вышли на дорожку. Кейлин конвоировала их с пистолетом в руке. «Какого хрена?» – подумал Уилл, глядя, как они подходят к машине. Мисс Шарп открыла дверцу позади водительского сиденья, и мальчик с женщиной сели в машину. Блондинка плакала, а ребенок сохранял стоическое молчание.

Кейлин уселась на переднее пассажирское сиденье и захлопнула дверцу.

– Вы не имеете права! – заявила арестованная.

Шарп встала коленями на сиденье, глядя назад поверх спинки. Она пристально посмотрела на мальчика и спросила:

– Как тебя зовут?

Тот оглянулся на мать.

– Не смотри на нее, – велела ему агент ФБР. – Я тебя спрашиваю...

– Не смей так говорить с моим сыном, ты, грязная...

– Рафаэль, – ответил мальчишка. Голос его был по-детски высоким и даже еще не начал ломаться.

– Сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Рафаэль, будь так добр, пристегни свою маму ремнем безопасности, – попросила мисс Шарп, и мальчик щелкнул застежкой ремня. – А теперь пристегнись сам.

Когда он выполнил и это указание, Кейлин перегнулась через спинку и защелкнула вторую пару наручников на тонких мальчишеских щиколотках.

– Не слишком туго? – спросила она.

Рафаэль покачал головой.

– Поехали, – обратилась Кейлин к Уиллу.

– Они арестованы? – уточнил тот.

– А на что это похоже?

– Вы сказали, что все будет совсем не так.

– Примите это как данность.

– Но мне не нравится...

– Поехали уже, Уилл!

Иннис включил задний ход и выехал на подъездную дорожку.

– Вы оба покойники, – сказала блондинка. Глядя в зеркало заднего вида, Уилл видел ярость в ее припухших глазах. По щекам пленницы пролегли черные потеки туши. – Хав вас в клочки разорвет. Вы понятия не имеете, что сейчас сделали. Вы только что убили себя, своих родных, своих друзей, всех, кто знает вас...

– Где он, Мисти? – спросила Кейлин. Та плюнула ей в лицо.

Иннис вырулил на основную дорогу и повел машину вниз по склону, к посту охраны.

– Куда сегодня поехал твой отец, Рафаэль? – поинтересовалась Шарп, утирая лицо. – В «Боулдерс»?

Ребенок ничего не сказал.

Уилл не видел, что произошло, – только услышал, как хрустнула кость.

– Сука! – взвыла Мисти. Посмотрев в зеркало заднего вида, Иннис увидел, что из носа у нее струится кровь. Рафаэль тоже заплакал. Уилл отвел взгляд.

– Ты не смеешь так поступать со мной, сволочь! У меня есть права! – вопила блондинка.

– Я знаю одно: жене Хавьера Эстрады лучше помолчать о своих правах, когда она разговаривает со мной, – отозвалась Шарп. – А теперь я прямо у тебя на глазах разнесу башку твоему ненаглядному сыночку, если ты не скажешь, где твой муж.

– Кейлин, что... – вновь попытался вмешаться в происходящее Иннис.

– Ты не посмеешь! – закричала Мисти.

Агент ФБР неспешно подняла «глок».

– Он в «Боулдерс», – быстро сказала арестованная.

«О боже мой! – думал Уилл. – О боже...» Они приближались к посту охраны на выезде из поселка. Кейлин развернулась и села, откинувшись на спинку.

– По правилам? – спросил Иннис почти беззвучно. – Это сейчас было по правилам?

Ворота разъехались, пропуская машину. Уилл нажал на газ, чувствуя, как в его душе поднимается злость. Не проехав и полумили, он вдавил педаль тормоза в пол, останавливаясь у обочины, а потом выключил двигатель, распахнул дверцу и выпрыгнул в беспощадный послеполуденный жар.

Кейлин тоже вышла из машины, с силой захлопнув дверцу. Они обошли машину спереди, встав перед бампером.

– Позвольте мне взглянуть на ваше удостоверение сейчас же... – потребовал бывший адвокат.

– Просто послушайте!..

– Вы сломали нос этой женщине, угрожали убить ее сына. Покажите...

– Когда-то я была агентом.

– Когда-то?

– Послушайте меня, Уилл, прошу вас.

Мужчина оглянулся на машину и заявил:

– Я выхожу из этого дела. С меня хватит.

Кейлин схватила его за руку.

– Я была агентом до того, как год назад мне запретили начать дело по расследованию этих исчезновений. Но я все равно начала поиски, используя ресурсы ФБР.

– Вас уволили.

– Никто не пошевелил задницей, чтобы узнать, что случилось с этими женщинами.

– И вас уволили.

– Да.

– Ну, конечно... просто круто. Вы обманом втянули меня в это.

– Я не смогу поймать Хавьера в одиночку. Вы нужны мне.

– Я нужен своей дочери.

– Понимаю, вы напуганы, – кивнула Кейлин. – Могу это понять. Но мы уже близки к

тому, чтобы найти человека, который отнял у вас жену. Совсем близки.

– Ее больше нет. Она мертва. А мне нужно растить дочь. Этот человек не стóит того, чтобы я согласился сесть из-за него в тюрьму.

– А стóит ли этого ваша жена?

– О чем вы говорите?

– Что, если она жива, Уилл?

– Она не может быть жива. Прошло пять...

– Но что, если она все-таки жива? Стоит ли такая возможность этих усилий?

Понимаете, я солгала насчет Хавьера. Ни у кого нет никаких материалов на него. Только у меня. И сегодня у нас есть шанс поговорить с ним.

– Вы пустили карьеру на ветер ради этих женщин? Это же бессмыслица!

– Вы помните фотографии, которые я показывала вам вчера вечером?

– Да.

– Люси Даль. Помните ее?

– Да, и что?

– Ее девичья фамилия – Шарп. Она была моей младшей сестрой. Теперь вам понятно?

Хавьер – человек, который отнял у вас жену, а у меня – сестру. Разве вы не хотите знать, где они находятся? Не хотите задать ему вопрос-другой?

– Да, но...

– Никто больше не предоставит вам этих сведений, и все, что происходит, – плата за них. Такова их цена. Так что соберитесь с духом.

– Я никогда не делал ничего подобного и не могу рисковать тем, что окажусь за решеткой.

– Если вы еще не поняли, я скажу так: если вы не поможете мне, то сядете в тюрьму за убийство вашей жены.

– Это шантаж?

– Сказать по правде, я совершенно не хочу этого делать, но я сдам вас, Уилл. Может быть, за это меня возьмут обратно в ФБР. Может быть, это пробудит хоть какой-то интерес к исчезновению моей сестры. И я сделаю это, не раздумывая ни секунды, если вы не поможете мне добраться до Хавьера.

Иннис смотрел на проезжающую мимо машину. Воздух над асфальтовой дорогой дрожал и переливался рябью от жары.

– Я держу вас за яйца, Уилл. У вас нет другого выбора.

– Мы поговорим с ним, – отозвался он. – Именно так. Просто поговорим.

Пять минут спустя Уилл остановил «Бьюик» на парковке заброшенного торгового центра, в котором, похоже, недавно был пожар.

Было уже четыре часа пополудни, и солнце заметно склонилось к западу. Кейлин помогла Мисти и Рафаэлю выйти из машины и сняла с ног мальчишки наручники. Потом, держа обоих пленников под прицелом пистолета, повела их внутрь здания через разбитую витрину, над которой красовалась вывеска магазина «Белк»^[6]. Уилл шел следом, стараясь не отставать.

В здании было темно и пахло словно в остывшем камине. Шарп включила фонарик и повела лучом по сторонам. Они шли по одному из проходов между полками – судя по всему, это был обувной отдел. Южная стена почернела от огня, и чем дальше они шли, тем сильнее становился запах горелого пластика и линолеума. На стойках в соседних отделах все еще висела одежда, попорченная огнем и местами плесенью. Уилла подташнивало, и он сам не мог понять отчего: то ли от царящей здесь вони, то ли от страха перед сложившейся ситуацией.

– Что мы здесь делаем? – спросила Мисти. Ей никто не ответил, и она пожаловалась: – У меня нос болит.

В конце концов они добрались до детского отдела, расположенного в дальнем углу магазина.

– Идите к примерочным, – скомандовала Кейлин.

Пленница снова заплакала. Они проследовали мимо ряда примерочных, и бывший агент ФБР рывком распахнула дверь последней кабинки в ряду. На полу лежали два спальных мешка, стопка книг в бумажных обложках, четыре фонарика, две упаковки бутылок с водой и сумка, набитая продуктами – пригодными для длительного хранения, как отметил Уилл.

– Что это? – спросила Мисти.

– Садитесь оба.

Кейлин разомкнула один наручник блондинки и защелкнула его на ножке металлической скамьи, привинченной к полу. Потом точно так же приковала Рафаэля к другой ножке скамьи и подвинула еду, воду и фонарики так, чтобы пленники могли дотянуться до них.

– Ты хочешь оставить нас здесь? – дрожащим голосом произнесла Мисти.

– Страшно? А ты подумай, как страшно было женщинам, которых похищал твой муж, – пожала плечами мисс Шарп.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Верно. Так я найду его в «Боулдерс»?

– Да.

– Только не надо мне врать.

– Я говорю правду.

– Если это действительно правда, сегодня к ночи за вами приедет полиция. А если ложь, то приеду я, и тогда молись. – Кейлин взглянула на Рафаэля. – С тобой ничего не случится, понимаешь? Только прошу тебя еще немного побыть храбрым.

После этого Шарп и Иннис вышли из примерочной. Мисти что-то кричала им вслед – ее голос эхом отдавался в темном пустом магазине.

Теперь за рулем была Кейлин: она быстро вела машину на север по Скоттсдейл-роуд.

Уилл смотрел в окно. Несмотря на страх, он признавал, что в глубине души очень хочет побыстрее оказаться на месте и увидеть Хавьера Эстраду.

Он достал свой сотовый телефон, и его спутница тут же спросила:

– Что вы делаете?

– Звоню дочери.

Девлин ответила с первого же сигнала:

– Привет, пап.

Сердце Инниса сжалось, когда он услышал ее голос.

– Что поддельываешь, малышка?

– Смотрю кулинарное шоу по Пи-би-эс.

– И как тебе?

– Охреновательно, – ответила девочка одним из жаргонных словечек своей матери. – Вы уже закончили? А то у Кейлин дома выбор телеканалов еще хуже, чем у нас.

– Еще нет, – вздохнул ее отец.

Девлин помолчала, потом спросила:

– Ты его видел?

– Я не могу сейчас говорить, солнышко. Расскажу потом. Просто хотел узнать, как ты там, – быстро произнес Уилл и нажал кнопку окончания разговора.

***

К северу от Скоттсдейла они свернули в ворота «Боулдерс» – легендарного гольф-клуба с полем на тридцать шесть лунок, устроенным в пустынных предгорьях.

– Вы играете? – спросила Кейлин, когда они подъезжали к главному зданию клуба.

– Когда-то играл... И как нам найти этого типа, если он где-то здесь?

– Это очень хороший гольф-клуб. Я уверена, что этот человек бронирует здесь время для игры заранее, так что начать нам следует с проката.

Кейлин оставила машину на стоянке, и они вместе вошли в пункт проката. За стойкой сидел мужчина лет сорока с небольшим – его кожа была покрыта безупречным загаром, а каштановые волосы выгорели на солнце и отсвечивали золотом. Уилл отметил, что держится этот человек с достоинством – и даже с чуть заметным чувством превосходства, которое свойственно тем, кому хватило таланта стать профессиональным тренером среди местных игроков в гольф, но недостает какого-то важного качества для получения членства в АПИГ ^[7]. На его нагрудном бейдже было указано имя – Дэн.

– Вам чем-нибудь помочь? – осведомился он.

Мисс Шарп достала из сумочки свое просроченное удостоверение агента ФБР и открыла его, внимательно глядя Дэну в глаза. Тот даже не прочитал, что написано в удостоверении, – лишь испытал явное потрясение при виде больших синих букв «ФБР».

Кейлин захлопнула корочки.

– Нам не помешала бы ваша помощь, Дэн. Мы пытаемся отыскать человека по имени

Хавьер Эстрада. По нашим сведениям, сейчас он играет в гольф на этом поле.

Клубный тренер отошел к компьютеру и начал набирать что-то на клавиатуре.

– А разве вы не должны предъявить ордер или что-нибудь в этом роде?

«Попались, – подумал Уилл. – Лучше бы тебе, Кейлин, выкрутиться из этой ситуации половчее».

– Нет, сэр, – ответила женщина. – Но если б я захотела узнать, сколько игр он сыграл за последний месяц, или обыскать его шкафчик, мне понадобился бы ордер.

– А что вообще случилось? – Дэн продолжал печатать.

– Извините, но я не имею права это разглашать. Вы знаете мистера Эстраду?

– В прошлом месяце я давал ему несколько уроков. У него неплохой удар.

– Посмотрите на меня, сэр, – сказала женщина, и тренер поднял взгляд. – Я не собираюсь говорить мистеру Эстраде, какие сведения о нем вы мне сообщили, и с вашей стороны будет умнее не обсуждать это с ним. Он – опасный человек.

Глаза Дэна снова обратились на монитор компьютера.

– Он забронировал полтора часа на северной площадке.

– Вы можете сказать, у какой именно лунки он сейчас находится?

Дверь в пункт проката распахнулась.

– Нет, но он, должно быть... – Тренер снова поднял взгляд, и его лицо, несмотря на загар, побледнело. Он оборвал фразу на полуслове и широко улыбнулся, глядя мимо Кейлин и Уилла. – Хавьер! И какой у тебя счет сегодня?

– Семьдесят семь.

В ровном голосе вошедшего мужчины Иннис расслышал гордость – и слабый акцент. Хавьер Эстрада подошел к стойке и остановился рядом с мисс Шарп. Он был одет в бриджи в стиле Пейна Стюарта^[8], его рубашка с белым воротничком промокла от пота под мышками, и он небрежно обмахивался кепкой.

Уилл отошел от стойки, и Кейлин благоразумно последовала за ним, взяв его под локоть – как будто они просто присматривали себе клюшки и сумки для гольфа.

– Семьдесят семь? – переспросил Дэн. – Нет. Ни за что не поверю.

– Помнишь тот прием, что ты мне показывал, – с поворотом запястья? Ты просто гений.

– Ну, я рад за тебя, Хав. Это хорошо, просто классно.

– Я бы выбил семьдесят пять, если б не пар-пять^[9] на дальней стороне.

– Пятнадцать?

– Я сделал четыре патта^[10]. Этот грин^[11] проходится намного медленнее, чем остальные.

– Знаешь, – Дэн доверительно подался вперед, – ты не первый, от кого я сегодня слышу жалобы на этот грин. Между нами говоря, один из гринкиперов^[12] сегодня слишком сильно его увлажнил.

– И кто из гринкиперов это сделал?

– Брайан.

– Значит, Брайан лишил меня моего личного рекорда.

– Ты приедешь на следующий урок в понедельник после обеда?

– Обязательно. Выдай мне корзину мячей. Мне нужно отработать удар сэнд-веджем^[13], пока я не уехал домой.

Кейлин вывела «Бьюик» со стоянки и остановила сбоку от клубного здания: так, чтобы им было видно тренировочное поле. Солнце садилось, окрашивая скалы в розовый цвет и бросая на дорожки золотистые отсветы.

– Надо признать, – произнес Уилл, – что, увидев его таким денди, приехавшим на досуге поиграть в гольф, я усомнился в этих рассказах о крутых «альфовцах»...

– Ваш мобильник включен? – перебила его Шарп.

– Да.

Она схватила свою сумочку и открыла дверцу.

– Куда вы?

Но Кейлин ушла, оставив Уилла сидеть в нагретой на солнце машине в пятидесяти футах от тренировочного поля.

Хавьер ровными, плавными ударами отправлял большинство мячей на ближайший грин. Через некоторое время он извлек из сумки драйвер^[14] и установил мяч на стартовое возвышение. После этого занял позицию, посмотрел на мяч сверху вниз, наклонив голову, и стал переминаться с ноги на ногу, выискивая самое удобное положение для удара. Секунд через пятнадцать он отвел клюшку назад и замахнулся. Когда титановая головка клюшки соприкоснулась с мячом, до слуха Уилла донесся резкий щелчок. Игрок довел удар до конца, замер, а потом поднял взгляд, следя глазами за мячом, который по длинной дуге летел к дальнему краю поля.

Сидя в машине и наблюдая за этим похитителем людей, наркоперевозчиком и убийцей, Иннис ощущал странное спокойствие. «Это потому, что тебе кажется, будто на самом деле всего того, что ты собрался сделать, не случится», – мелькнула у него мысль. Хавьер нанес удар по последнему из своих мячей и сунул драйвер в сумку для гольфа.

Уилл вызвал по мобильному Кейлин и сообщил:

– Он уже забрасывает сумку на плечо.

– Ждите там. Я возвращаюсь к вам.

Бывший адвокат завершил вызов. Эстрада уже шел в его сторону. Иннис слышал, как клацают по асфальту шипы на подошвах его туфель для гольфа. Хавьер прошел совсем рядом с открытым окном машины – от него пахло потом и одеколоном. Глаза его были скрыты за солнечными очками, и Уиллу было не по себе от того, что он не видит, куда направлен взгляд «альфовца». Иннис следил за Эстрадой в боковое зеркало, пока тот не скрылся за зданием клуба. Тогда он стал смотреть через лобовое стекло, но никак не мог сосредоточиться и продолжал поглядывать в боковое зеркало.

«Успокойся. Успокойся. Успокойся...»

Кто-то стукнул в стекло со стороны водителя. Уилл вздрогнул, но это была всего лишь Кейлин. Иннис отпер дверцу, и женщина, открыв ее, уселась за руль.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Уилл.

– Увидите, – отозвалась она, включая двигатель и переключая передачу на задний ход.

Новенький «Эскалейд» притормозил перед выездом из «Боулдерс», мигая правым поворотником.

– Что вы собираетесь делать? – снова поинтересовался Уилл.

Кейлин бросила на него быстрый взгляд, недобро усмехаясь. «Эскалейд» выехал на Норт-Том-Дарлингтон-роуд, «Бьюик» последовал за ним.

– Будьте добры, – произнесла мисс Шарп, – откройте мою сумку и достаньте оттуда «глок». Вы ведь раньше держали в руках оружие, верно?

– Ну да – в скаутском лагере «Вебелос» лет двадцать назад. – Бывший адвокат извлек из сумки Кейлин маленький черный пистолет. – Он заряжен?

– Да. Теперь очень осторожно оттяните назад затвор. Видите патрон?

Иннис посмотрел на крошечный снаряд в латунной оболочке с медным кончиком.

– Вижу.

– Можете положить обратно.

Уилл посмотрел сквозь лобовое стекло и увидел внедорожник Хавьера примерно в пятидесяти футах впереди. С «Эскалейдом» явно было что-то не так, его заносило к обочине.

– Почему он так виляет?

Кейлин снова улыбнулась.

– О господи! – промолвил ее спутник. – Вы не могли этого сделать...

Примерно через полмили Хавьер затормозил у обочины дороги. По тому, как машина накренилась вперед и вправо, Уилл сделал вывод, что шина с той стороны оказалась проколота и теперь сдулась. Шарп сбросила скорость, проезжая мимо «Эскалейда», и примерно через двадцать ярдов свернула с дороги. Выключив двигатель, она спросила:

– Вы готовы к этому?

– Нет.

– Послушайте. В точности выполняйте то, что я скажу, и все будет в порядке.

Уилл посмотрел в боковое зеркало и увидел, что дверца машины Эстрады распахнулась.

– Когда мы вернемся к машине, – проинструктировала его Кейлин, – вы сядете за руль. Хавьер будет сидеть рядом с вами, а я – на заднем сиденье, с пистолетом.

Она залезла в свою сумочку и достала «глок». Иннис видел, как Эстрада присел на корточки рядом с пробитым колесом, держа в одной руке солнечные очки, а другой ведя по протектору шины.

Мисс Шарп сунула пистолет в наплечную кобуру, скрытую под пиджаком.

[Купить полную версию книги](#)

Мф. 18:20.

Отсылка к песне «Back on the road again» американского певца и композитора Вилли Нельсона.

«Головокружение» – культовый фильм А. Хичкока (1958).

Под названием «мескаль» в настоящее время выпускаются все дистиллированные алкогольные напитки на основе агавы, за исключением текилы.

90° по Фаренгейту – примерно 32° по шкале Цельсия.

«Белк» – сеть магазинов одежды и аксессуаров.

АПИГ – Ассоциация профессиональных игроков в гольф США.

Уильям Пейн Стюарт (1957–1999) – выдающийся американский профессиональный игрок в гольф.

Пар – условный норматив, используемый для подсчета результатов; число ударов, стандартно необходимое, чтобы пройти лунку или поле.

Патт – катящийся удар, выполняемый на грине.

Грин – участок короткой зеленой травы непосредственно вокруг лунки.

Гринкипер – сотрудник клуба, следящий за состоянием поля.

Сэнд-ведж – клюшка с плоским крюком, чаще всего используемая для выбивания мячей из песчаных ловушек (бункеров).

Драйвер – клюшка для самого далекого удара, имеющая наименьший угол наклона головки и самую длинную ручку.